

ОПАСНЫЕ МАРШРУТЫ

Опасные маршруты

Джек Лондон

Опасные маршруты

«Книжное издательство Бабицкого»

Лондон Д.

Опасные маршруты / Д. Лондон — «Книжное издательство Бабицкого», — (Опасные маршруты)

Приглашаем в путешествие по самым опасным маршрутам на планете – на суше и на море. Постарайтесь не замерзнуть во льдах Северного полюса и не сойти с ума под палящим солнцем Африки. Вас ждут поиски древней гробницы, полной сокровищ, и погоня за пиратами в Карибском море. Вы побываете в необъятной русской тайге и в зыбучих песках Индии, проплывете на утлой лодке по великой реке Амазонке, уклоняясь от клыков, когтей и рогов диких зверей. А еще придется сражаться – с охотниками за скальпами, колдунами и кровожадными людоедами, а порой и с самим дьяволом. Вперед, на поиски приключений!

© Лондон Д.

© Книжное издательство Бабицкого

Содержание

Часть первая. Север	5
Джек Лондон	5
Павел Белецкий	14
Мартин Редклиф	20
Редьярд Киплинг	27
Джон Бакен	40
Артур Конан Дойл	43
Часть вторая. Восток	49
Эмилио Сальгари	49
Глава I	49
Глава II	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Опасные маршруты

Сборник приключенческих рассказов

Часть первая. Север

Джек Лондон «Сын волка»

Мужчина редко умеет ценить близких ему женщин – до тех пор, по крайней мере, пока не потеряет их. До его сознания совершенно не доходит излучаемое женщиной тепло, пока он сам купается в нем; но стоит ей уйти – раскрывается и растет в его жизни пустота, и им овладевает странный голод по чему-то неопределенному, чего он не умеет назвать словами. Если друзья, окружающие его, так же неопытны, как и он сам, они будут сомнительно качать головами и предложат ему серьезно лечиться. Но голод будет все расти, и мужчина потеряет всякий интерес к событиям повседневной жизни и станет раздражительным. И в один из дней, когда эта пустота станет совершенно невыносимой, на него снизойдет откровение.

Когда нечто подобное происходит на Юконе летом, мужчина достает себе лодку, если это случается зимой, он запрягает собак в сани и едет на Юг. А через несколько месяцев, если он одержим Севером, он возвращается назад с женой, которая отныне будет делить с ним его любовь к этому холодному краю и его тяготы. Все это, конечно, говорит, прежде всего, о врожденном мужском эгоизме. И одновременно может служить введением в описание приключений Бирюка Маккензи, случившихся с ним очень давно, раньше, чем Клондайк запрудили чечачо, еще тогда, когда этот край был известен только своими рыбосушильнями, а отнюдь не золотой лихорадкой.

На Маккензи отразилась жизнь пионера, первооткрывателя земель. На лице его отпечаталось двадцать пять лет непрестанной борьбы с природой, из которых последние два года, самые жестокие, он провел в поисках золота за пределами Полярного круга. Когда описанная выше болезнь захватила его, он нисколько не удивился, так как был человек практичный и много раз видел людей в таком же положении. Но он подавил все признаки этой болезни и стал работать еще упорнее. Все лето он воевал с комарами и мок на берегу реки Стюарт, сплавляя лес вниз по Юкону до Сороковой Мили, и в конце концов построил себе отличную хижину, которая только может быть построена в этой стране. Она выглядела настолько привлекательно и уютно, что несколько человек навязывались к нему в компаньоны, предлагая поселиться вместе. Но он наотрез отказывался, притом довольно грубо, что вполне соответствовало его сильному и решительному характеру, а сам закупил в ближайшей фактории двойной запас провизии.

Маккензи был человек практичный, как это указано выше. Если он чего-нибудь хотел, он обыкновенно добивался своего, но при этом отступал от ранее намеченного пути лишь настолько, насколько это было необходимо. Кровному сыну тяжелой нужды и тяжелого труда совсем не по душе было преодолевать шестьсот миль по льду, две тысячи миль через океан, да еще около тысячи миль до родных мест, только чтобы найти себе жену. Жизнь слишком коротка для таких прогулок. Он запряг собак, погрузил в сани довольно необычную поклажу и пустился напрямик между двумя водоразделами, восточные холмы которых подступали к реке Танане.

Он был смелым путешественником, а его собаки-волкодавы выносили на скудной пище более тяжелую работу и более длинные перегоны, чем всякая другая упряжка в Юконе. Через три недели он добрался до племени стиксов с верховий Тананы. Те очень удивились его дерзости. О племени шла дурная слава; говорили, что они убивают белых людей из-за такой безделицы, как хороший топор или старое ружье. А Маккензи пришел к ним безоружный, и во всем его поведении была очаровательная смесь заискивающей скромности, фамильярности, холодной выдержки и наглости. Нужно хорошо набить руку и глубоко изучить душу дикаря, чтобы с успехом пускать в ход столь разнообразное оружие; но он был мастер своего дела и знал, когда уступить, а когда – наоборот – торговаться до истощения.

Прежде всего, он отправился на поклон к вождю племени, Тлинг-Тиннеху, и подарил ему пару фунтов черного чая и табака, чем и завоевал его несомненную благосклонность. После этого он свел знакомство с мужчинами и девушками и объявил, что вечером дает потлач, то есть станет дарить подарки. Утоптали овальную площадку в сто шагов длиной и двадцать пять шириной. В середине разложили большой костер, а по обеим его сторонам набросали кучи сосновых веток. Было устроено нечто вроде трибуны, и человек сто пели песнь племени в честь прибывшего гостя.

Последние два года научили Маккензи сотне слов на их наречии, и он в совершенстве перенял их глубокие гортанные гласные, их языковые конструкции, близкие японским, все их величания, приставки и прочие особенности языка. Он произнес речь в их вкусе, удовлетворяя их врожденную склонность к поэзии потоками туманного красноречия и образными оборотами. Ему отвечали в том же духе Тлинг-Тиннех и главный шаман. Потом он раздал все мелочи мужчинам, принял участие в их пении и показал себя настоящим чемпионом в их любимой азартной игре в «пятьдесят две палки».

А они курили его табак и были довольны. Но молодые держали себя вызывающе – петушились, поддерживаемые явными намеками беззубых матрон и хихиканьем девушек. Им пришлось столкнуться на своем веку всего с несколькими белыми – Сыновьями Волка, но эти немногие научили их кое-каким вещам.

Маккензи, конечно, отметил этот факт, несмотря на свою кажущуюся беспечность. Если сказать правду, то, лежа поздно ночью в своем спальном мешке, он снова и снова обдумывал все это – обдумывал серьезно – и выкурил не одну трубку, пока не составил план кампании. Из девушек ему понравилась только одна – Заринка, дочь самого вождя. Фигурой, чертами лица, ростом и осанкой она более других отвечала идеалу красоты белого человека и резко выделялась среди своих соплеменниц. Он возьмет ее, сделает своей женой и назовет ее – ах, он непременно назовет ее Гертрудой. Решив это окончательно, он повернулся на другой бок и сейчас же заснул, как настоящий сын своей всепобеждающей расы.

Это было сложное дело и тонкая игра, но Маккензи вел ее чрезвычайно хитро, с неожиданностью, которая озадачивала стиксов. Он позаботился прежде всего внушить всем мужчинам племени, что он очень меткий стрелок и бесстрашный охотник, и вся деревня гремела от рукоплесканий, когда он подстрелил оленя на расстоянии шестисот ярдов. Однажды, поздно вечером, он отправился в вигвам вождя Тлинг-Тиннеха, сделанный из шкур карибу, очень много и громко говорил и раздавал табак направо и налево. Он, конечно, не преминул оказывать всяческое внимание шаману, ибо достаточно оценил его влияние и очень хотел сделать его своим союзником. Но это высокопоставленное лицо оказалось весьма надменным, решительно отказалось умиловиться какими-либо жертвоприношениями, и с ним, видимо, приходилось считаться как с несомненным врагом в будущем.

Хотя случая подойти ближе к Заринке и не представилось, Маккензи бросил ей несколько взглядов, красноречиво и нежно предупреждавших ее о его намерениях. И она, конечно, прекрасно поняла их, и не без кокетства окружила себя толпой женщин, так что мужчины не могли приблизиться к ней: это было уже началом победы. Впрочем, он не торопился; помимо

всего, он прекрасно знал, что ей все равно ничего не остается, как думать о нем, а несколько дней подобных размышлений могли только помочь ухаживанию.

В конце концов, однажды ночью, когда он решил, что пришло время, он быстро покинул прокопченное дымом жилище вождя и вошел в соседний вигвам. Заринка, как и всегда, сидела среди женщин и девушек, они шили мокасины и спальные мешки. При его появлении все засмеялись, и громко зазвучала веселая болтовня Заринки, обращенная к нему. Но потом вышло так, что все эти матроны и девицы были самым бесцеремонным образом выставлены за дверь одна за другой, прямо в снег, где им не оставалось делать ничего другого, как только спешно разнести по деревне интересную новость.

Его намерения были весьма красноречиво изложены на ее языке – его языка она не знала.

– Так что Заринка пойдет в хижину белого человека, да? Ладно. Теперь я пойду говорить с твоим отцом, потому что он, может быть, думает иначе. И я дам ему много подарков, но пусть он все-таки не требует слишком много. А если он скажет – нет? Ладно. Заринка, значит, все-таки пойдет в хижину белого человека.

Он уже поднял шкуру входной двери, когда тихий возглас девушки заставил его вернуться. Она опустилась перед ним на колени на медвежью шкуру, ее лицо сияло внутренним светом, вечным светом дочерей Евы, и она застенчиво принялась развязывать его тяжелый пояс. Он смотрел на нее сверху вниз, растерянный, подозрительный, прислушиваясь к малейшему шуму снаружи. Но следующее ее движение рассеяло все его сомнения, и он улыбнулся от удовольствия. Она вынула из мешка с шитьем ножны из оленьей шкуры, красиво украшенные яркой фантастической вышивкой, потом взяла его большой охотничий нож, посмотрела почтительно на его острое лезвие, потрогала его пальцем и всунула в новые ножны. Потом она повесила ножны ему на пояс.

Честное слово, это была сцена из Средневековья – прекрасная дама и ее рыцарь. Маккензи поднял ее высоко на воздух, прижимая свои усы к ее красным губам: для девушки это была чужеземная ласка Волка, встреча стального века с каменным.

В воздухе стоял невообразимый гам, когда Маккензи с толстым узлом под мышкой широко распахнул дверь вигвама Тлинг-Тиннеха. Дети бежали по улице, женская болтовня стала вдвое громче, молодые люди совещались мрачными группами, а из вигвама шамана доносились зловещие звуки заклинания.

Вождь был один со своей подслеповой женой, но с первого взгляда Маккензи понял, что цель его прихода уже известна вождю. Поэтому Маккензи начал прямо с дела, выставляя напоказ расшитые ножны как весть о состоявшемся уже соглашении.

– О, Тлинг-Тиннех, могучий вождь племени стиксов и всей земли Танана, повелитель лосося, и волка, и оленя, и карибу! Белый человек стоит перед тобою с великим предложением. Много лун была пуста его хижина, и много ночей провел он в одиночестве. И сердце его изглодало себя в молчании, и выросла в нем тоска по женщине. Белый человек хочет, чтобы женщина сидела рядом с ним в хижине и встречала бы его, вернувшегося с охоты, ярким огнем и вкусным ужином. Станные вещи слышались ему в тишине: он слышал топанье маленьких ножек в детских мокалинах и звуки детских голосов. И однажды ночью снизошло к нему видение. И он пошел к Ворону, своему отцу, великому Ворону, отцу племени стиксов. И Ворон говорил с одиноким белым человеком и сказал ему так: «Подвяжи твои мокасины, и надень твои лыжи, и положи в сани еды на много ночей, и положи в них еще красивые подарки для великого вождя Тлинг-Тиннеха. Потому что ты должен теперь повернуть лицо твое в ту сторону, где весною солнце опускается за край земли, и ехать в страну этого великого вождя. Ты привезешь с собою богатые подарки, и Тлинг-Тиннех – мой сын – примет тебя, как отец. В хижине его есть девушка, в которую я вдохнул дыхание жизни для тебя. Эту девушку ты должен взять себе в жены».

О, вождь, так говорил великий Ворон. И вот я кладу мои подарки к твоим ногам; и вот я здесь, чтобы взять твою дочь.

Старик запахнул свою меховую одежду с полным сознанием своего королевского достоинства, но ответил не сразу, так как в эту минуту вбежал мальчик и передал ему требование немедленно явиться на совет старейшин.

– О, белый человек, которого мы прозвали Смертью Оленей и которого зовут еще Волком и Сыном Волка! Мы знаем, что ты производишь из могущественного племени; мы гордимся таким гостем; но королевскому лососю не пристало сходиться с кетой, а Ворону сходиться с Волком.

– Нет, это не так! – воскликнул Маккензи. – В деревнях Волков я не раз встречал дочерей Ворона – жена Мортимера, и жена Тредгидю, и жена Барнаби, который вернулся после двух ледоходов, и о многих других женщинах я слышал, хотя глаза мои и не видели их.

– Сын, твои слова справедливы; но разве было что хорошего от таких встреч? Это то же, что воде сойтись с песком, или снежным хлопьям сойтись с солнцем! А приходилось тебе встречать Мэйсона и его жену? Нет? Он приходил сюда вот уже десять ледоходов тому назад – первый из всех Волков. И вместе с ним приходил еще могучий человек, стройный и высокий, как молодой тополь; сильный, как дерзколицый медведь. И лицо у него было похоже на полную летнюю луну; его...

– О! – прервал Маккензи, узнав хорошо известную всему Северу фигуру. – Мэйлмют Кид! Он самый могучий человек.

– Но не встречал ли ты женщину с ними? Она была родной сестрой Заринки.

– Нет, вождь, но я слышал о ней. Мэйсон... Это было далеко, далеко на Севере – старая сосна, отяжелевшая от долгих лет, раздавила его жизнь. Но любовь его велика, и у него было много золота. Женщина взяла это золото, и взяла своего мальчика, и ехала долго-долго, несчетное число ночей, к северному полуденному солнцу. Она и теперь живет там и не страдает от мороза и снега, и полуночного летнего солнца, и полуденной зимней ночи.

Новый посланец прервал их, принеся от совета категорическое требование: явиться немедленно. Когда Маккензи выталкивал его за дверь, он различил неясные тени вокруг костра совета, услышал ритмическое пение низких мужских голосов и понял, что шаман разжигает злобу народа. Надо было спешить. Маккензи вернулся к вождю и сказал:

– Ну, я хочу взять твое дитя! И ты посмотри, посмотри сюда: вот табак, чай, много сахара, теплые одеяла, платки – посмотри, какие плотные и большие. А это, видишь, настоящее ружье, и вот пули к нему, много пуль и много пороха.

– Нет, – возразил старик, видимо, борясь с искушением завладеть богатствами, разложенными вокруг него. – Ты слышишь, мой народ собрался. Они не хотят этой свадьбы.

– Ведь ты – вождь.

– Но юноши племени в большом гневе за то, что Волки берут их девушек и им не на ком жениться.

– Послушай, о Тлинг-Тиннех! Раньше, чем ночь перейдет в день, Волк направит своих собак к Горам Запада и еще дальше в страну Юкона. И Заринка будет ехать в его упряжке.

– Но ранее того, чем ночь дойдет до своей середины, юноши племени бросят собакам тело Волка, и его кости затеряются в снегу, пока весна не оголит их.

Это была угроза и ответ на угрозу. Бронзовое лицо Маккензи вспыхнуло. Он возвысил голос. Старая женщина, которая до этой минуты восседала равнодушной зрительницей, поползла к двери. Когда он оттащил ее и грубо толкнул на ее сиденье из шкур, он услышал, как пение сразу прекратилось, и послышался гвалт многочисленных голосов.

– Еще раз я взываю к тебе, о Тлинг-Тиннех! Волк умирает, стиснув челюсти, но с ним вместе уснут десять твоих самых сильных воинов, а они нужны тебе, потому что приближается время охоты, а за ним время рыбной ловли. И еще раз говорю тебе – какая польза от моей

смерти? Я знаю обычаи твоего народа: твоя доля в моем имуществе. Отдай мне твое дитя – и все будет твоим. И опять же говорю тебе: придут мои братья, а их много, их земля никогда не бывает слишком заселена и дочери Ворона принесут детей в жилищах Волков. Мой народ сильнее твоего народа. Так решила судьба. Согласись – и все это богатство будет твоим.

Снаружи заскрипели по снегу мокасины. Маккензи взвел курок ружья и вынул из-за пояса револьвер.

– Согласись, вождь!

– Но мой народ скажет «нет»!

– Согласись, и все это будет твоим! А с твоим народом я поговорю после.

– Волк хочет так? Хорошо, я беру его подарки, но говорю: берегись!

Маккензи еще раз пересмотрел приношения, проверил, не заряжено ли ружье, и завершил сделку пестрым шелковым платком. В вигвам вошел шаман с дюжиной молодых, но он смело растолкал их и вышел на улицу.

– Собирайся! – коротко бросил он Заринке, проходя мимо ее хижины, и стал поспешно запрягать собак.

Через несколько минут он уже шел на совет, ведя свою упряжку, и женщина была с ним. Он занял место на верхнем конце площадки, рядом с вождем. По левую сторону, несколько сзади, он поставил Заринку. Это было место, принадлежащее ей по праву, а кроме того, не худо было обезопасить себя сзади, ибо момент был очень серьезный.

Справа и слева многочисленные фигуры мужчин сидели на корточках у огня, и голоса их слились в песне давно забытых времен. Пение со странным обрывающимся ритмом и частыми повторениями нельзя назвать красивым. Скорее уж оно было жутким. В дальнем конце, под наблюдением шамана, плясало десять женщин. Он сурово укорял тех из них, которые не умели всецело отдаться экстазу обряда. Почти скрытые тяжелыми массаами черных волос, изгибая стан и словно разбитые во всех членах, они медленно раскачивались, и их тела извивались в такт беспрестанно меняющемуся ритму.

Это была странная сцена: чистейший анахронизм. На юге девятнадцатое столетие отсчитывало последние годы, а здесь царствовал первобытный человек – тень восставшего из гроба доисторического пещерного жителя, забытый обрывок древнего мира. Желто-бурые крупные собаки лежали между своими хозяевами, одетыми в звериные шкуры, дрались из-за мест, и отсветы костра отражались в их красных глазах и на оскаленных клыках. Лес стеснился вокруг толпою неподвижно дремлющих привидений. Белое Безмолвие, отодвинутое на время в туманную глубину его, казалось, выжидало момент, чтобы ворваться в круг людей; звезды танцевали по небу большими скачками, как они делают это всегда в часы Великой Стужи, а Полярные Духи тянули через все небо сверкающие одежды своей славы.

Бирюк Маккензи вряд ли ощущал дикое величие этой картины, переводя внимательный взгляд с одного лица на другое, вдоль ряда меховых фигур. На одно мгновение глаза его остановились на новорожденном ребенке, сосавшем голую грудь матери, – и это при семидесяти с лишним градусах мороза. Он подумал об изнеженных женщинах своей собственной расы и презрительно усмехнулся. Однако и сам он произошел от тела такой изнеженной женщины.

Пение и пляска кончились, и шаман разразился речью. Ловко пользуясь запутанной и обширной мифологией, он играл на доверчивости своих слушателей. Дело было серьезное. Творческим началам, воплощенным в Вороне и в Вороне, он противопоставлял Маккензи – Волка – как начало воинственное и разрушительное. Борьба этих двух начал протекает не только в духовной сфере, нет, бороться должны люди, каждый за свой тотем. Они – дети Ворона, принесшего им огонь от великого бога, а Маккензи – сын Волка, иначе говоря, сын Дьявола. Поэтому тот, кто вносит перемирие в эту вечную борьбу, кто отдает своих дочерей в жены исконному врагу, совершает гнуснейшую измену и величайшее святотатство. И не было такого резкого выражения и такого унижительного сравнения, какого шаман не употребил бы

по отношению к Маккензи, изображая его как слугу и посланца сатаны. В продолжение его разглагольствований из гущи толпы слышалось сдержанное злобное рычание.

– О, братья мои, велик Ворон и всемогущ! Разве не принес он нам огонь, рожденный небом, чтобы мы могли согреться? Разве не он выпустил солнце, луну и звезды из их небесных ям, чтобы дать нам зрение? Не он ли научил нас побеждать духов Голода и Мороза? Но теперь Ворон прогневался на детей своих, и их осталась всего одна горсть, и он не хочет уже помогать им. Потому что они забыли его, и делают дурные дела, и вступили на дурные пути, и принимают врагов в свои жилища, и сажают их к своему огню. И Ворон скорбит о преступлениях детей своих. Но если они воспрянут и покажут ему, что хотят вернуться, он выйдет из тьмы и поможет им. О, братья, сегодня Принесший Огонь шепнул шаману свои повеления, и вот я передаю их вам. Пусть юноши уведут девушек в свои хижины. Пусть они вцепятся в глотку Волка, и пусть бессмертной будет их ненависть. И тогда женщины их принесут плод, и они размножатся и станут великим народом. И Ворон выведет племена наших отцов и дедов из страны Севера, и они снова отгеснят Волков и обратят их в пепел прошлогодних костров. И они завладеют всей страной! Вот повеление великого Ворона.

Это обещание пришествия Мессии вызвало бурю восторга в рядах стиксов. Все они вскочили со своих мест. Маккензи высвободил большие пальцы из рукавиц и ждал. Все требовали Лиса и не хотели успокоиться, пока один из юношей не выступил вперед и не начал говорить:

– Братья! Мудро говорил шаман. Волки уведут наших женщин, и наши мужчины бездетны. Нас осталась какая-нибудь горсть. Волки отбирают наши теплые меха и дают взамен злых духов, запертых в бутылки, и одежды, сделанные не из шкур бобра или рыси, но из травы. И одежды эти не дают тепла, и наши воины умирают от непонятных болезней. Я, Лис, не имею жены. А почему? Два раза уже девушки, которые нравились мне, уходили в становище Волков. Вот и теперь я собрал шкуры бобров и оленей и карибу и хотел заслужить милость Тлинг-Тиннеха, чтобы жениться на его дочери, Заринке. И вот вы видите – лыжи надеты на ее ноги, чтобы идти впереди собак Волка. Я говорю не только от себя. Чего хотел я, того хотел и Медведь. Он тоже хотел быть отцом ее детей, и много шкур собрал он для этого. Я говорю от имени всех юношей, у которых нет жен. Волки жадны. Они всегда хотят получить лучшие куски. Воронам остаются одни объедки.

– Смотрите, вон Гукла, – вскрикнул он, грубо указывая на одну из женщин, которая была калекой. – Глядите, ее ноги такие же кривые, как бока березовой лодки. Она не может собирать сучья или носить за охотниками их добычу. Что же? Ее выбрали Волки?

– О! О! – кричали слушатели.

– А вот Майра, глаза которой перекошены злым духом. Даже маленькие дети пугаются при виде ее, и я слышал, что даже медведь уступает ей дорогу при встрече. Что же? Ее взяли? И снова раздался дикий рев одобрения.

– А вон там сидит Пишета. Она не слышит моих слов. Она никогда не слышала крика совы, и голоса своего мужа, и лепета своего ребенка. Она живет в Белом Безмолвии. Посмотрели ли на нее Волки? Нет! Им нужна лучшая добыча – объедки они оставляют нам! Братья, не будет этого больше! Никогда больше Волки не прокрадутся к нашим кострам. Настало время!

Огненный столб северного сияния – пурпурно-красный, зеленый, желтый – поднялся к зениту, соединяя горизонт с горизонтом. Закинув голову и вытянув руки, Лис указывал на него.

– Смотрите! Это встали души отцов ваших. Великие дела совершатся сегодня ночью!

Он отступил назад, и его место нерешительно занял другой юноша, выталкиваемый вперед товарищами. Он был на целую голову выше всех, и его широкая грудь, несмотря на сильнейший мороз, была обнажена. Он переминался с ноги на ногу. Слова застревали у него во рту, и ему было, видимо, очень не по себе. На лицо его страшно было смотреть, ибо чуть ли не половину его когда-то изорвало, исковеркало каким-то страшным ударом во время схватки.

Наконец он стукнул себя в грудь кулаком, послышался глухой звук, как от барабана, и голос его полетел над толпой, словно рев океанской пучины.

– Я – Медведь, я – Серебряное Копье и Сын Серебряного Копья. Когда мой голос походил еще на голос девочки, я уже убивал рысь, и оленя, и карибу. Когда он звучал, как голос росوماхи, попавшей в западню, я перешел через Северные Горы и убил троих с Белых Берегов; а когда он стал походить на рев Чинуки, я встретил медведя и не уступил ему дороги.

Он остановился и выразительно провел рукой по своему обезображенному лицу.

– Я не умею говорить, как Лис. Язык мой замерз, как река. Я не могу говорить долго. У меня мало слов. Вот Лис говорит, что великие дела придут сегодня ночью. Ладно! Слова бегут у него с языка, как весенние потоки, но он слишком бережлив на дела. Сегодня ночью я буду бороться с Волком. Я свалю его, и Заринка будет сидеть у моего огня. Медведь сказал.

Несмотря на то, что вокруг Маккензи бушевал настоящий ад, он не сдвинулся с места. Понимая, насколько бесполезно ружье на таком близком расстоянии, он вынул оба револьвера и приготовился. Он знал, конечно, что в случае массового нападения надежды не было, но, верный своему гордому слову, готов был умереть со стиснутыми зубами. Но Медведь сдержал товарищей, отбросив назад самых дерзких ударами своих страшных кулаков. Когда шум немного стих, Маккензи оглянулся на Заринку. Она была изумительно хороша. Наклонившись вперед на лыжах, она стояла с раскрытыми губами и нервно вздрагивающими ноздрями, как тигрица, готовая к прыжку. Ее большие черные глаза впивались в соплеменников со страхом и с вызовом. Волнение ее было так велико, что она, казалось, перестала дышать. Одной рукой она судорожно схватилась за грудь, а в другой так же судорожно сжала плетку и застыла, словно превращенная в камень. Под его взглядом она пришла в себя. Глубоко вздохнув, она подалась назад, посмотрев на него глазами, в которых было нечто большее, чем любовь.

Тлинг-Тиннех пытался говорить, но его не слушали. Тогда Маккензи выступил вперед. Лис открыл было рот, чтобы крикнуть что-то, но Маккензи с такой яростью замахнулся на него, что тот отскочил назад, подавившись собственным возгласом. Его поражение было встречено шумным смехом и привело товарищей в несколько более спокойное состояние.

– Братья! Белый человек, которого вы хотите называть Волком, пришел к вам с ласковыми словами. Он не обманщик: он не говорил вам лжи. Он пришел к вам как друг, как тот, кто хочет быть вашим братом. Но ваши юноши говорили по-своему, и время ваших слов прошло. Прежде всего, я говорю вам, что у шамана несправедливый язык, и что он лживый пророк, и что слова, которые он говорил, шептал ему не тот, кто принес Огонь. Уши шамана закрыты для голоса Ворона, и он сплетал хитрые выдумки и дурачил вас. У него нет никакой силы. Когда, помните, все собаки были убиты и съедены; когда внутренности ваши отяжелели от лохмотьев кожи и мокасин; когда умирали старики, и умирали старухи, и умирали маленькие дети; когда вся страна была во мгле и вы погибали, как лососи на берегу, скажите, когда голод поселился у вас, сумел ли шаман послать удачу охотникам? Наполнил ли он мясом ваши желудки? И еще раз говорю я: нет силы у шамана. Вот! Я плюю ему в лицо!

Хотя все невольно отшатнулись при виде такого святотатства, шума не последовало. Некоторые женщины были сильно напуганы, а мужчин охватило возбуждение как бы в ожидании чуда. Все взгляды были направлены на две центральные фигуры. Шаман, сознавая всю опасность положения и чувствуя, что влияние его вот-вот пошатнется, открыл было рот, чтобы разразиться ругательствами, но отступил перед подавшейся вперед фигурой Маккензи, его поднятыми кулаками и горящими глазами. Маккензи презрительно усмехнулся и продолжал свою горячую речь:

– Теперь я говорю Лису и Медведю. Кажется, им понравилась эта девушка? Да? Так ведь я же купил ее раньше. Смотрите, Тлинг-Тиннех опирается на ружье, и много еще другого добра лежит у его огня. Но мне хочется быть любезным с этими юношами. Лису, у которого язык высох от лишних слов, я подарю пять длинных пачек табаку. Это смочит ему язык, чтобы ему

было удобнее побольше шуметь на совете. А Медведю, встречей с которым я горжусь, я отдам одеяла, двадцать кружек муки и табака – вдвое больше, чем Лису. А если он согласится поехать со мною через Восточные Горы, я подарю еще и ружье, точь-в-точь такое, как у Тлинг-Тиннеха.

Маккензи улыбался, отходя на свое место, но сердце его было полно опасений. Ночь все еще длилась. Девушка подошла к нему, и он внимательно выслушал предупреждения о том, какие штуки выделяет ножом Медведь во время схваток.

Было постановлено решить спор поединком. Вдоль костра утоптали площадку длиною в шестьдесят мокасин. Много было разговоров о поражении шамана. Некоторые, впрочем, утверждали, что он просто не хотел показать свою силу. А другие вспоминали разные случаи из прошлого и соглашались с Волком. Медведь вышел на середину площадки с длинным охотничьим ножом в руках. Лис обратил всеобщее внимание на револьверы Маккензи. Поэтому Маккензи снял пояс, надел его на Заринку и ей же поручил свое ружье. Она покачала головой с сожалением, что не умеет стрелять: редко приходилось женщине брать в руки такие драгоценные предметы.

– Слушай, если опасность будет грозить мне сзади, крикни громко: «Мой муж!» Нет, не так; еще раз: «Мой муж!»

Маккензи рассмеялся, когда она повторяла его слова, ущипнул девушку за щеку и вошел в круг. Медведь не только превосходил соперника ростом и силой, но и его нож был длиннее вершка на два. Маккензи много раз смотрел в глаза людей при подобных же обстоятельствах; и теперь, по одному взгляду, он понял, что перед ним настоящий мужчина. Но отблеск огня на стали заставил его гордо и радостно вздрогнуть – отблеск стали, сердца его народа...

Снова и снова оттеснял его Медведь до линии огня или выбивал из площадки в глубокий снег, и снова и снова ловкими приемами боксера он выбирался на середину. Ни разу из толпы окружающих не услышал он одобрительного возгласа, тогда как его противника поддерживали аплодисментами, советами, предостережениями. Но он только крепче стискивал зубы при каждом звоне скрещающихся ножей, нападая и отражая удары со спокойной выдержкой сознающей себя силы. Вначале ему было как-то жаль своего противника, но потом это чувство потонуло в первобытном инстинкте самозащиты, а еще позже он уже все забыл – осталась одна жуткая радость борьбы. Все десять тысячелетий культуры спали с него: это был пещерный дикарь, дерущийся за самку.

Два раза Маккензи удалось задеть Медведя и удачно вывернуться. Но на третий он попался и, чтобы спастись, должен был ухватиться за него свободной рукой: они сошлись в смертельном захвате. Тут только ощутил Маккензи всю ужасную силу своего противника. Мускулы его напряглись до судороги, а жилы готовы были лопнуть, и тем не менее острая сталь сверкала все ближе и ближе. Он попробовал податься назад, но этим только ослабил себя. Тесный круг меховых фигур сомкнулся еще теснее: все были уверены в развязке и не хотели упустить ни одной детали. Но вдруг Маккензи, отклонившись немного в сторону, неожиданно – боксерским приемом – ударил Медведя головой. Тот неловко откатнулся и потерял равновесие. В то же мгновение Маккензи нанес ему сильный удар и навалился на него всею тяжестью тела, отбросив за черту, в глубокий снег. Медведь вскочил, весь покрытый снегом.

– Мой муж! – Голос Заринки дрожал от ужаса.

На звук спущенной тетивы Маккензи успел низко пригнуться к земле, и стрела с накопчиком из рыбьей кости пролетела над его головой и впилась в грудь Медведя, который покачнувшись и рухнул на своего припавшего к земле противника.

В одно мгновение Маккензи высвободился из-под него и уже стоял на ногах. Медведь лежал без движения, но по другую сторону костра шаман уже брал вторую стрелу.

Нож Маккензи сверкнул в воздухе. Целый сноп света прорезал темноту, когда он перелетал через костер. И шаман, из горла которого торчала теперь его рукоятка, пошатнувшись, упал прямо в огонь.

Чик! Чик!.. Лис завладел ружьем Тлинг-Тиннеха и тщетно пытался зарядить его. Услышав за собою смех Маккензи, он сейчас же поставил ружье на место.

– Та-ак! Значит, Лис не умеет обращаться с этой игрушкой? Он, значит, совсем женщина? Ладно, дай его сюда, я научу тебя.

Лис колебался.

– Дай сюда, я тебе говорю.

Лис подошел к нему с видом побитой собаки.

– Вот, смотри: так, а потом так, – патрон вошел на место, и курок щелкнул.

– Лис говорил, что великие дела совершатся сегодня ночью? Он правильно говорил. Великие дела совершились, но не много между ними было дел Лиса. Что же, он все еще хочет взять Заринку в свой вигвам? Может быть, он собирается идти по пути, который проложили для него шаман и Медведь? Нет? Ладно!

Маккензи презрительно отвернулся и вынул свой нож из горла шамана.

– Может быть, еще кто-нибудь из юношей хочет попытаться? Волк будет валить их по двое и по трое, пока не переберет всех. Нет? Ладно. Тлинг-Тиннех, еще раз отдаю тебе ружье. Если когда-нибудь тебе случится быть в стране Юкона, знай, что для тебя в хижине Волка всегда найдется место у огня и много еды. Ночь переходит в день. Я ухожу, но я могу еще раз вернуться!

Он казался им каким-то сверхъестественным существом, когда сквозь толпу направился к Заринке. Она встала на свое место во главе упряжки, и собаки тронулись. Через несколько минут лес призраков поглотил их. Маккензи выждал, пока они скроются, и только тогда надел лыжи.

– А разве Волк забыл о пяти длинных пачках?

Маккензи с досадой обернулся к Лису, но положение было слишком комично.

– Я дам тебе одну... короткую.

– Как Волк захочет, – покорно ответил Лис, протягивая руку.

Павел Белецкий

«Людоеды»

(рассказ из таежной жизни)

Сомнения больше не было: бурят Хонхолдой, – брат Базара, товарищ тунгуса Кульбая и трех русских золотоискателей – предательски скрылся... Но суть не в нем, а в лошади, которая при подобных обстоятельствах могла служить пищей и, следовательно, средством спасения... А теперь выхода нет: почти голые, мокрые, без огня, без крошки провизии, под открытым небом и в десяти днях пути людей... Что тут придумаешь?

Обескураженные лица потерпевших, неожиданный крах золотоискателей, действительно, не выражали ни тени надежды. Как только собрались они вместе после постигшего их несчастья, выслушали заключение Кульбая, неизменного консультанта по вопросам таежного быта, относительно Хонхолды и его лошади, – так и свесили головы. Даже словами не обменялись: до того положение казалось всем одинаково безнадежным...

Впрочем, сам двадцатилетний Кульбай, которому не было знакомо отчаяние, не торопился примкнуть к умозаключениям товарищей. Дикаря, выросшего среди вечных опасностей таежной жизни, всякие затруднения только побуждали к изобретательности. А тут еще, на его счастье, уцелела его кремневка с тремя зарядами, и громадный охотничий нож при нем, на поясе. Можно пока и не унывать.

– Сделать надо огонь, а потом смотреть! – неожиданно предложил он товарищам.

– А спички где? Огниво где?... – злобно отозвался глава отряда, рыжий верзила Захар, типичный «чалдон», акклиматизировавшийся в тайге и выдавший виды.

Эти первые подсчеты катастрофы должны были прозвучать последним и окончательным приговором для группы людей, возвращенных капризным случаем в первобытные условия жизни, но дикаря они даже развеселили. Он не без гордости и с осанкой полубога бросил белым товарищам:

– Когда надо – дерево огонь дает, только долго, а мы можем скоро брать!..

С заметной вспышкой изумленного любопытства, все, кроме бурята, взглянули на него.

Кульбай наломал ветвей ерника, приготовил сушняка и добыл из-под камней сухого мха. Когда устроенная, таким образом, основа для костра была готова, он оторвал от мокрой рубахи лоскут, натер его порохом и воспламенил при помощи кремня и ножа.

Через четверть часа пламя огромными языками лизало холодный воздух, а продрогшие люди сплотились вокруг. В этот момент они, как древние люди, чувствовали сокровенную сущность огня, и не только через тепло, но и через свет его, чувствовали, как согревается тело и обновляется настроение. Почему они так безнадежно упали духом? Ведь вода в речке может спасти, и они извлекут со дна заветный выюк с провизией и инструментами. Золотой ключ, привлекий их, отсюда уже близко, и они могут еще взять то, за чем шли... А все-таки жаль, что не предусмотрели! Во время половодья, после сильного дождя, рисковать переправой не следовало бы. Но опять-таки думали, что принятых мер достаточно будет для успеха. Плот соорудили двухрядный и сами вооружились шестами. Как тут не надеяться было перемахнуть до другого берега каких-нибудь пять сажен? Но это бешеное течение, что так сразу рвануло, как только отчалили; а потом этот проклятый утес, неожиданно вынырнувший из воды за крикуном! Впору было самим спасаться вплавь, благо раздеты были, а разбившегося плота никто в суматохе и не видел. Не видели больше и Хонхолдой, плившего на привязанной к плоту лошади. Только потом Кульбай, собирая зацепившуюся за прибрежные кусты одежду, нашел его следы на берегу и свою кремневку, взятую им для переправы.

– Если бы были лошади, – глухо и сокрушенно отозвался Захар, – то было бы еще полбеды. С мясом можно было бы не то что выбраться из тайги, а еще и поработать...

– Коня кушить – да мало-мало ладно! – подхватил реплику больше всех потерявшийся Базар. – Шорт Хонхолдошка!.. Боялся голод и бежал один...

Высушив собранную одежду и распределив ее поровну между всеми, компания занялась заготовкой дров на ночь. Спать легли на площадке, под вековыми соснами, окруженные пламенем четырех огромных костров, но уснули не сразу, мучимые мыслями об ужине и долгом чаепитии с трубками, за беседой...

Восходящее солнце застало всех уже на ногах. Вода в речке за ночь спала четверти на две, день обещал быть ясным, а Кульбай из выдолбленной плиты сланца соорудил посуду для кипячения воды и набрал листьев известного ему чаеподобного кустарника. Черпак не трудно было сделать при наличии хорошего ножа, поэтому чаепитие было обеспечено. Мало того, Кульбай предложил командировать его на охоту, что сулило уже кое-что посущественнее.

Может быть, дело и исправится... – мелькала у всех ободряющая мысль.

Часы текли. Не ели уже больше суток и вновь вернувшееся пессимистическое настроение от возможной гибели провизии и инструментов перешло и на предприятие Кульбая... Какой здесь зверь? В этой части тайги никогда не промышляют ничего, кроме соболя... Вот уже сколько времени, как он ушел, а выстрела не слышно. Голод же чувствуется все сильнее. Ведь немало их брата пропадает в тайге от голодной смерти!..

Все сидели молча вокруг ярко пылавшего костра, только веселое потрескивание дров нарушало немую и гнетущую тишину глубокой тайги. И огонь уже более не веселил...

Под влиянием мысли об ужасах угрожающего голода, они избегали даже смотреть друг на друга... Бежать? Но куда? Тайга безбрежна, как море. Да и надолго ли хватит сил?..

Вдруг в горах грянул выстрел. Гулкое эхо подхватило его и далеко разнесло по тайге. Это мог быть торжественный салют грядущему насыщению!..

Мгновенно вскочили они с мест с сверкающими счастьем глазами, как будто пуля охотника не могла впиться в каменную грудь мертвого утеса вместо живого мяса! Но скептицизму здесь не было места. Через минуту все бежали на выстрел. В этот самый момент, верстах в двух от стана, на горе, между глыб седого утеса, стоял Кульбай с дымящимся ружьем. Пристально и восторженно смотрел он, как по обрыву противоположной горы, отделенной от него узким ущельем долины, катился окровавленный олененок, судорожно корчась и цепляясь за выступы камней... Никогда до этого молодой тунгус не переживал такого восторга и гордости, какие охватили его теперь...

Через час он уже шествовал к месту стоянки, как герой-триумфатор, во главе торжественной процессии тащивших добычу товарищей, и рассказывал, сколько времени он выслеживал осторожное животное, как преследовал, крадась ползком за утесами, и, наконец, застрелил.

Ликование было бесконечное, а по прибытии на место началось настоящее пиршество. Ободрать и выпотрошить убитое животное, для такой усердной компании, было делом всего нескольких минут. Вскоре долго бездействовавшие челюсти работали уже без остановки. Кульбай, как герой события, получил лучший кусок – печенку, и, едва согретую на огне, терзал ее острыми зубами. Другие ели мясо – кто зажаренным на вертеле, кто запеченным на углях. У кого на что хватало терпения.

Неожиданное и обильное насыщение, закончившееся чаепитием, настолько благотворно отразилось на самочувствии компании, что послышались даже шутки и остроты по поводу их сокрушения о будущем, когда есть ружье и хороший охотник. Да и вода с каждым часом спадает и светлеет, так что завтра же станет возможным достать выюк. Не разделял общего увлечения только Кульбай, но ничего не высказывал.

Легли спать, с намерением уснуть скоро и крепко. Костры разложили, не жалея дров, да и ночь была теплая, что радовало всех. Между тем теплота эта оказалась предательской. С

полуночи восточный ветерок стал нагонять тучи на ясное небо, а перед светом оно обложилось ими сплошь, и благодатный весенний дождь оросил молодую зелень. Разом отлетели надежды, навеванные удачей Кульбая и быстрым падением воды в речке. Дождь был не грозовой и обещал затянуться...

Положение становилось серьезным. Новая прибыль воды грозила похоронить выюк навсегда. Во всяком случае, сидеть здесь в надежде на его извлечение было бы верхом неразумия. Не ожидая дня, решено было сейчас же слегка подкрепиться и отправиться в путь. Мясо было испечено на месте, и товарищи, прикрываясь остатками мокрой одежды, не мешкая зашагали назад. Об оставшемся золоте теперь уже никто не думал...

Дождь шел весь день с небольшими перерывами, и путники, промерзшие и голодные, остановились на первый ночлег верст за тридцать от кладбища своих надежд. Дорогу выбирали напрямик, через хребты, и шли девственной целиной тайги, почти не отдыхая. Одежда на некоторых представляла теперь одни лохмотья, а лица осунулись у всех. По счастью дождь к вечеру перестал, и шалаша можно было не делать. Сейчас же добыли огня по способу Кульбая, развели костер. Тепло и жалкие крохи пищи опять слегка подбодрили голодных и измученных людей. Ведь, остатками мяса они могли продержаться, хотя с трудом, еще дня два, а за это время должен же Кульбай, – такой хороший охотник! – добыть что-нибудь? Два заряда у него еще есть... Да и идут они теперь уже в «жилых местах», к людям...

Спали все, как убитые, и проснулись на заре с волчьим аппетитом, но удовольствоваться пришлось остатками мяса да куском печеной кожи.

Направились и отсюда по возможности «прямоком», полагаясь на отличное знание местности Кульбаем. Но за этот день прошли едва верст двадцать, да и то некоторые в пути уже отставали. Ни звери, ни птицы по дороге не встречались. Прыгал только по веткам над головами любопытный пересмешник, да дятел гулко стучал по коре засохших стволов, будя жуткую тишину густого и темного леса.

На остановке, при дележе порций, вышла крупная неприятность. Обнаружена была пропажа части мяса. Драгоценный сверток несли в дороге по очереди, и кто совершил кражу – доказать никто не мог. Может быть, причастен к делу и не один... Решено было весь запас пищи поделить и раздать на руки. Это грозило более нетерпеливым прекращением питания со следующего же дня, но иного выхода не было.

Минули еще три дня. Прошли за это время едва ли тридцать верст, и добычи охотнику, как по колдовству, никакой не попадалось. Мяса ни кусочка не оставалось, а некоторые были без пищи уже два дня... Продолжать путь было невозможно. Решили устроить дневку и дать Кульбаю поохотиться. Но и отдых этот не принес теперь никакого подкрепления. Напротив, он подвел печальные итоги. Истощение быстро овладевало людьми, все до неузнаваемости изменилось. Кожа потемнела, лица обострились. У одних появилась отечность, а у других под глазами легли зеленые пятна. Апатичный взор временами загорался острым, хищным огоньком. Однако, способности ходить, никто из этих закаленных невзгодами физической жизни людей не потерял, хотя дрова для костра таскали уже не все.

Кульбай весь день бродил по окрестностям, стараясь застрелить хотя бы каркающего над тайгой ворона, но тот не садился на деревья. Зверя решительно никакого не попадалось. Для самого Кульбая, впрочем, экскурсии эти были не бесполезны: он находил кое-каких козявок и в растертом виде ел их. Попалось ему раз в дупле совиное гнездо с яйцами, но подкрепить этими крохами товарищей он не мог.

Ночь для всех прошла в тяжелом полузабытьи, без сна. Утром, несмотря на усиливающуюся слабость, все согласились отойти, сколько удастся, вперед, так как местность, по мнению Кульбая, начала уже меняться и скоро должен появиться всякий зверь. Особенно легко будет

застрелить ночью изюбря или лося на солонцах. Но, главное, должны быть кишашие птицей озера и там можно будет отъестся наверняка, даже и без помощи ружья.

Однако этому расчету не удалось оправдаться. После двух-трехчасовой ходьбы большинство запротестовало. Пришлось остановиться и ждать случайного спасения. Непременно ждать, а не готовиться к смерти.

Бродячая тайга полна легенд и волшебных сказок. Каждый таежник знает много случаев чудесного спасения голодавших. В одном месте к заблудившимся золотоискателям явился неземной старик и вывел их из дебрей. В другом – к неудачным охотникам подошел лось с тем, чтобы они убили его и спаслись от голода. Почему бы и теперь не случиться чему-нибудь подобному? Ведь, даже так бывает, что летящий орел роняет из когтей козулю как раз около того, кто ждет пищи...

Разводить костер охотников уже больше не нашлось. Все предпочитали лежать и проявляли жизнедеятельность только при жевании древесной коры, молодых ветвей или травы.

«Есть, есть!» – только и думали все.

Кульбай пытался подбодрить товарищей. Он не только передавал слышанное им от стариков, но и сам пытался сочинять чудесные сказки.

– Хорошо делать – хорошо будет! – закончил свои утешения чистосердечный дикарь.

Голодные люди охотно верили, что чудеса бывают и что сами они не лишены права на чудо, способное спасти им жизнь. Только бы выбраться к людям!

Минул еще тяжелый день. Чуда не проявлялось. Товарищи совсем перестали смотреть друг на друга. Стало заметно проявление подозрительности и чисто животной осторожности. Русские держались теперь отдельной группой, бурят проводил время в безмолвной молитве духам тайги, лежа на спине и перебирая одеревеневшими пальцами уцелевшие четки, а Кульбай одиноко сидел в стороне, еще ожидая чего-то, может быть, чуда...

Но жизнь текла по обычным законам природы. Час за часом тянулся с томительной медленностью, а движение времени отмечалось лишь нарастанием голодной злобы звереющих людей. Ведь пища, в сущности, у них есть на крайний случай. Они теперь ясно чувствуют это и только это...

Снова ночь спустилась над тайгой, снова на бархате неба заискрились звезды. Кругом глубокая тишина и молчание. Кучка умирающих людей совершенно слилась с окружающей тайгой. Но вот, под влиянием ли цепи дум или мук голода, рыжий Захар не вытерпел гнетущего безмолвия и обрушился беспричинными ругательствами на неизвестных виновников.

– Дьяволы окаянные! Бросили в речке провизию, а теперь околевай через них!

Но ему никто не ответил. Это еще больше озлобило недовольного. Он хотел сильнее выругаться, но потом вдруг остановился, охваченный внезапной решимостью поднялся на ноги и, сверкая желтыми белками глаз, обратился ко всем с предложением:

– Вот что, паря! – раздался его злой и настойчивый голос. – Все равно пропадать, так лучше одному, а не всем!.. Бросим жребий!..

Что это значило – всем было понятно.

– Подождем немного, – ответил было один.

– А чего ждать? – еще яростнее крикнул Захар, но тут же, как бы удовлетворив наиболее острое желание, уже спокойно добавил:

– С этим-то можно и повременить до завтра, а только жребий кинем, чтобы знатье было... кому... Как вы?

Никто не возразил. Если в душе кто и не дал согласия, то все равно должен был молчать, так как артельный дух мало имел теперь человеческого. После такого решения все вскочили со своих мест. Немедленно срубили длинный шест и стали мериться: чей верх? Верх вышел

Кульбая. Он мгновенно выхватил свой нож и уже замахнулся над собою, но стоявший рядом русский удержал его руку.

– Не спеши... Не помираем еще совсем... может за ночь что будет, – заметил он, подержанный бурятом.

Остальные молчали. Это были наиболее озверевшие. Глаза их бегали, как у рыси, а у края губ пузырями сбивалась белая пена, сбегавшая по бородам.

Мучительную ночь провел Кульбай, обреченный на убой. И зачем он изменил обычаю отцов, зачем пустился в такое предприятие, как добыча золота? Ведь не страсть к обогащению влекла его. Ему надо было добыть средства на калым для получения милой подруги, Аванди. На несчастье, она дочь зажиточного человека и получить ее дешево нельзя: обидно для достоинства отца. Целый год копил Кульбай этот калым, а тут как раз зашли в улус к ним трое золотоискателей купить провизии. Они сказали, что идут на верное место и согласны взять спутников. Предложением их соблазнился Хонхолдой, предложивший под выюк свою лошадь, и брат его Базар, знакомый с добычей золота. Соблазнился и он, Кульбай, ради Аванди, а теперь...

Наутро Кульбай решил покончить со своими муками: отсрочки, если и будут предлагать, не брать, и к обеду дать товарищам пищу. Когда солнце вышло из-за хребта, и розовый свет его заиграл на молодых побегах зелени, Кульбай был уже готов. Он отошел в сторону от товарищей, к руслу речки, в долине которой, на склоне горы, они стояли. Там лег на мох среди мелкого кустарника и положил рядом свой охотничий нож.

Он пришел сюда с готовностью без колебаний принести себя в жертву, но теперь, когда минута эта настала, ему почему-то вдруг стало ужасно жалко своей молодой жизни. Он вспомнил Аванди, старуху мать, сестер, свою юрту, которая должна лишиться хозяина, и сердце крепко сжалось. Затем Кульбай представил, как его молодое, сильное и теперь еще тело, чужие голодные люди станут распластывать его же ножом, нетерпеливо отделяя мясо от костей, жарить в огне его сердце... Может быть, станут пить его кровь... Ему стало до боли жутко и страшно. Ведь, это сейчас, через пять минут, даже раньше. Они ждут уже... Нет, нет, он не может, не хочет! Но он все-таки должен умереть или все равно умрет со всеми... Тогда его сердце, глаза съедят черви, а может быть звери или птицы. Всем надо пищу... Кости его звери растащат по тайге. Это так, да, но это не то!..

Уходя, Кульбай сказал товарищам, что крикнет, когда можно будет идти к нему. Его уже никто больше не отговаривал, все теперь нетерпеливо ждали его голоса, как вороны призывного крика на падаль. Этот голос призовет их к жизни, извлечет из поглотившей наполовину могилы и даст жуткую сладость насыщения!..

Но прошел час, другой, а Кульбай все лежал и думал. Не раз уже брал он в руку нож, прикладывал к обнаженной груди, против трепещущего сердца, и снова клал рядом с собою. Если бы теперь кто-нибудь приблизился к нему с целью поторопить, он сумел бы защититься! Но к нему никто не шел, никто не нарушал течения его мыслей, и тунгус лежал, уставившись поблекшими глазами в ясное небо. Если бы он повернулся в сторону и тщательно всмотрелся в кусты, то увидел бы против себя, шагах в десяти, пару воспаленно бегающих глаз Захара. Они жадно и давно уже следили за каждым его движением. Увидел бы клочки рыжей шерсти на мертвенно-бледном человеческом лице, и дуло собственной кремневки. Но он смотрел только в небо и видел только создаваемые его воображением образы и картины. Наконец, мысль Кульбая стала уставать от бесплодных поисков выхода, и озлобление стало охватывать его сильнее и сильнее. В припадке гнева он легко мог решиться на то, на что не хватало решимости в минуты размышления. Еще один приступ, и он уже твердым, решительным движением хватает нож, заносит его над собою, отворачивает голову в сторону и... вооруженная рука его бессильно, как парализованная, падает, а из глаз горячие слезы скатываются одна за другой... С противоположного берега речки, из кустов ерника, пыливо смотрят на него милые, кроткие глаза

ручного оленя-подростка. Кульбай плачет теперь, как ребенок, хотя не знает еще наверное, сон это или действительность?

Но это была прекрасная действительность. Через минуту он услышал уже гулкий звон бубенцов, которые надевают на олени шеи.

Быстро, едва владея собой, вскочил он на ноги и каким-то диким, самому ему неизвестным голосом, закричал:

– Эй!.. Здесь люди голодают!..

Звон бубенцов замолк. Он повторил окрик и через минуту услышал, как медный гул усилился и стал расти. Это был колокольный звон воскресения из мертвых. Он был спасен...

В детском нетерпении, Кульбай бросился к товарищам, но те также знали уже, в чем дело, и теперь не решались взглянуть ему в глаза. А он готов был всех обнимать и всем кричать о своем счастье...

Когда была раскинута юрта, и голодная компания пила настоящий горячий чай, олени-воды рассказали, что послал их на помощь к ним вернувшийся верховой бурят, который тоже помирал от голода. И вот они шли теперь разыскивать их и нашли...

Ни о ночной жеребьевке, ни об утреннем приготовлении к страшному пиру людоедов – никто не обмолвился ни словом...

Мартин Редклиф «Охранитель долины»

Я собирался было приобрести ферму близ Эдмонта в Альберте, уже дал за нее задаток, но скоро все бросил. Я любил уединение, а это место мне показалось недостаточно уединенным; и вот, я постепенно стал двигаться на север и, наконец, достиг маленького поселка, известного среди его немногих обитателей под названием «Мускусный Бык».

Тут ютились изыскатели рудничных богатств и трапперы. Лежало поселение близ подножия одного отрога Скалистых гор и на самой окраине неизведанных северных пустынь. Здесь кончались всякие признаки цивилизации, и это нравилось мне. Местные жители тоже меня очень интересовали. Они рассказывали о тысячемильных путешествиях на собаках, о голоде в степях, о трапперах, пропавших без вести, об изобильных охотах на лосей и мускусных быков.

Иногда в их фразах звучали намеки на мрачные трагедии.

– Хоронить? В грунте, промерзшем на глубину шести футов и жестком, как железо? – слышались обрывки рассказов. – Дудки! Я положил тело на ветви сосны, чтобы спасти его от зверей, и не успел пройти и мили, как услышал волчий вой.

И все толки кончались упоминанием о Длинном Джеке, герое северных пустынь. Неумолимо говорили трапперы о его переходах, опасностях, которым он подвергался, и нередко высказывали предположения о том, что делал он в данное время.

Раз вечером, вернувшись с охоты на диких гусей (они перезимовали в долине Миссисипи, и теперь тянулись на север), я заметил движение в нашем поселке, и сразу увидел высокую фигуру человека, прислонившегося к бревенчатой стене единственного кабака в «Мускусном Быке». Он стоял и курил с удовольствием путешественника, который был долго лишен этого развлечения. И по взглядам окружающих я сразу понял, что передо мной Длинный Джек.

К этому времени я уже свыкся с обычаями местных жителей, и потому не вмешался в разговор, а сел на соседнюю скамейку, зажег трубку и стал ждать.

Я чувствовал, что Длинный Джек внимательно присматривается ко мне... Наконец, он вынул трубку изо рта и спросил поразившим меня тоном образованного человека:

– Я думаю, вы учились в Кембридже?

– Да, – ответил я. – Впрочем, я пробыл в университете всего только год.

– На шесть месяцев дольше меня, – ответил он.

Мы больше не разговаривали. Я инстинктивно чувствовал, что мой новый знакомый не расположен к беседе. Впрочем, покурив с полчаса, Длинный Джек снова заговорил:

– Не хотите ли поужинать со мной? – и он замолчал, точно желая узнать мое имя.

– Мазен, – договорил я. – Благодарю и принимаю предложение с удовольствием.

– Моя фамилия Лессельс, – почти шепотом сказал Длинный Джек. – Но прошу вас, не называйте меня здесь по имени. Выше пятьдесят пятого градуса северной широты – я Длинный Джек и только. Я очень рад, что узнал вас, Мазен: приятно встретить человека из Кембриджа.

Во время ужина Лессельс спросил, зачем я живу в этой дикой глуши.

– Сам не знаю, – был мой ответ. – Я приехал сюда отчасти ради охоты, отчасти, желая попытаться найти удобный случай нажить деньги.

– А вы готовы решиться на трудное дело?

Я утвердительно кивнул головой. Он улыбнулся.

– На этой неделе я отправлюсь на изыскания, – продолжал Лессельс. – Если вы хотите нажить деньги, скажу, что я согласен принять компаньона. Охоты, вероятно, будет достаточно; а если дичи не встретится, вы погибнете от голода.

– Готов рискнуть, – ответил я.

– Прекрасно. Я собираюсь взять нескольких индейцев и отправиться на северо-запад в место, которое туземцы называют «Благоуханной Долиной». Я никогда не бывал в этой долине, да и никто из белых, – однако, по словам одного старого индейца, там, в откосах гор, можно видеть куски золотоносного кварца. Должен также сказать вам, что, по словам старика краснокожего, боги убивают всех, входящих в Благоуханную Долину. Однако, мы, побывавшие в Кембридже, – скептики. Может быть, мы отыщем новый Клондайк, или же – я открываю вам худшую возможность – оставим кости в пустыне.

– Не знаю почему, – сказал я, – но дикие места меня влекут. И если вы согласны принять в компаньоны такого, как я, неопытного человека, я готов встретить опасность лицом к лицу.

– Вот, в сущности, в чем дело, – продолжал Лессельс, – имеется десять шансов против одного, что, угадав, куда мы отправляемся, индейцы бросят нас. Остаться же без товарища мне не хотелось бы. Я видел не одного траппера, исчезавшего надолго, который, потеряв своего компаньона и проблуждав целые месяцы в страшном одиночестве, среди полной тишины пустыни, возвращался в поселок с расстроенным мозгом. Кроме того, если нам повезет, лучше, чтобы двое свидетелей дали отчет. Люди, к которым мы обратимся за капиталом для настоящей экспедиции, понятно, предпочтут иметь что-нибудь побольше, чем заявления одного разведчика. Вы знаете, одинокие путешественники по пустыням способны воображать всевозможные небылицы. У вас есть хорошее ружье, мистер Мазен?

– Да.

– А все-таки лучше возьмите одно из моих. Мы заряжаем их разрывными пулями. Это дурные ружья для спорта, но нам нельзя давать промахов. Если олень убежит с незначительной раной, без повреждения костей, мы можем умереть с голода. Путешествуем мы налегке: муки на три месяца, табака на четыре, мешок с солью, взрывчатку в малом количестве, несколько инструментов, кожаные куртки, кожаная палатка, – вот и весь багаж. Если хотите, можете взять одну-две книги. Я всегда беру с собой «Опыты» Бэкона; у него так много смысла в немногих словах!

– А вы думаете, что старик индеец, о котором вы упомянули, говорил правду?

– Этот краснокожий редко видел белых людей, а в своем нормальном виде индеец не умеет лгать. Он и убьет, и обокрадет без зазрения совести, но ему никогда не приходит в голову мысль солгать. Ложь – порок нашей цивилизации. Только заметьте: старик не говорил, что он сам видел «Благоуханную Долину». Он повторял лишь рассказы своего деда.

– Значит, вы верите одной части его слов и не верите другой? Разве он не сказал, что боги убивают всякого, кто входит в долину?

– Я уверен, что в основании этого суеверия есть что-то достоверное. Может быть, какая-нибудь партия индейцев погибла от молнии; этого было бы достаточно, чтобы целое племя наложило на страшное для него место нечто вроде «табу», и впоследствии никогда не подходило к опасной долине. Что же? Вы все-таки согласны отправиться?

– Ну, конечно: я расспрашиваю только из любопытства.

– Я очень рад, – искренне сказал Лессельс. – Вы с первого взгляда понравились мне, Мазен. Я думаю, мы скоро станем настоящими друзьями.

Через два дня мы отправились в путь. Лессельс позаботился обо всех подробностях.

Все обитатели поселения, в числе, по крайней мере, тридцати человек, вышли провожать нас. Едва мы скрылись за поворотом, и перестали слышать их голоса, Лессельс с удовольствием перевел дух.

– Ну, теперь я могу дышать свободно, – весело сказал он. – Я всегда ненавидел людные места.

Во время нашего месячного путешествия на северо-запад мы тесно сошлись с моим компаньоном. Через неделю я примирился с неудобствами пустыни, и ее магнетическое очарова-

ние захватило меня. Спортивные удовольствия встречались на каждом шагу, потому что олени двигались на север, а рыбы в ручьях бросались на наши приманки с невинной жадностью, удивительной для человека, привыкшего к хитрым, боязливым форелям английских потоков.

Единственные беспокойства нам причиняли тучи moskitov, вившиеся в болотистых местностях, но вскоре моя кожа огрубела от бесчисленного количества их укусов, и я привык спать в густых клубах дыма, тянувшегося от тлевших сырых ветвей.

Все шло хорошо; через месяц мы подошли к высокому горному кряжу. За ночь ветер переменялся, и теперь в нем чувствовался тонкий сладковатый запах. Я хотел, было, сказать об этом Лессельсу, когда он знаком показал мне на индейцев. Несмотря на всю невозмутимость и бесстрашие этих людей, по взглядам, которыми обменивались краснокожие и по тому, как они посматривали вперед, я понял, что какое-то обстоятельство их волнует. Когда мы раскинули лагерь на ночь, Лессельс сказал мне:

– Пойдите, Мазен, добудьте оленя. Я же не хочу терять индейцев из виду.

Застрелить оленя было нетрудно. Они кишели здесь, и, казалось, больше с любопытством, чем со страхом смотрели на человека. Животные останавливались на расстоянии пятидесяти ярдов от меня и убегали только, когда я начинал подходить к ним.

Я скоро убил молодого оленя, притащил его на нашу стоянку и поручил индейцам изрезать его мясо.

– Нам нечего бояться, что провизии не хватит, – сказал я. – Здесь масса оленей, и все они идут по одному направлению с нами.

Сладкий, нежный аромат почувствовался в дыхании ветра.

– Не знаю, не этот ли запах привлекает оленей, – сказал Лессельс. – Кстати, Мазен, сегодня ночью мы будем по очереди караулить. Мне кажется, наши краснокожие собираются бежать, но они не ускользнут, пока мы смотрим за ними.

Около двух часов ночи Лессельс разбудил меня: наступила моя очередь сторожить. Я сел, прислонился к сосновому дереву и смотрел на индейцев, лежавших по другую сторону костра. Не думаю, чтобы я задремал, по крайней мере, я не сознавал этого, и отлично помню, как один из краснокожих поднялся с земли, посмотрел на слабо горевший огонь, и подбросил в костер охапку ивовых веток. Пополз густой дым, к бесконечному отвращению moskitov. Только когда порыв ветра рассеял его густые, темные клубы, я увидел, что индейцы ушли, и немедленно разбудил Лессельса, сказав ему, что краснокожие могли исчезнуть только за последние минуты. Мне казалось, что их еще можно догнать.

– Не стоит, – ответил он. – Раз индеец исчез из виду, его не найдешь. Я знал, что они убегут, и хотел удержать их только потому, что при туземцах собаки бегут лучше. Останься индейцы с нами, они, вероятно, завтра остановились бы, отказываясь идти вперед, хотя бы мы грозили им смертью. Они не боятся смерти, но суеверный страх в них необыкновенно силен. Во всяком случае, благодаря их бегству, наши запасы продержатся дольше.

Утром мы двинулись дальше. По мере приближения к горам, странный аромат становился все сильнее.

– Что это может быть? – сказал я Лессельсу.

– Не знаю. Может быть, теперь в долинах распускаются цветы на каких-нибудь кустарниках. Одно верно: старый индеец не ошибся, рассказывая о Благоуханной Долине. Будем надеяться, что и остальные его сведения были точны.

После целого дня пути, мы обогнули выступ горы и увидели перед собой большую долину, лежавшую посреди двух скалистых стен. Ее покрывала зелень, и кусты росли в каждой расщелине утесистых скал.

– Благоуханная Долина – правильное название! – сказал Лессельс. – Но сегодня нам нельзя осмотреть ее. Подождем до завтра.

Когда мы в этот вечер сидели подле нашего костра, какой-то невероятно сильный звук отдался в горах; это было что-то вроде грохота взрыва и, вместе с тем, аккорда чудовищно больших труб.

– Что это? – вскрикнул я, вскочив и хватаясь за ружье.

– Не знаю, – ответил Лессельс. – Может быть, посреди гор есть какой-нибудь гейзер, вырывающийся в известное время. Я видел такое явление подле озера Атабаска, а ближайшие горы, как мне кажется, вулканического происхождения. В таком случае, страх индейцев, внушаемый им Благоуханной Долиной, вполне объясним.

На следующий день мы пошли осматривать местность.

– Следует основать нашу главную квартиру посреди долины, – сказал Лессельс, – и когда мы устроимся, я отправлюсь на разведки. Формация гор, кажется, обещает многое, но я видел слишком много «обещающих» формаций, а потому не могу возлагать на это и больших надежд.

Пройдя около мили, мы увидели, что долина делала поворот. Я шел впереди и, обогнав угол скал, заметил нечто, крайне удивившее меня.

– Лессельс, – закричал я, – здесь дорога!

Он подбежал ко мне, и мы оба с удивлением смотрели на грунт. Перед нами тянулась широкая полоса обнаженной почвы, совершенно гладкой.

– Если это действие льда, – заметил он, – где же лед? Вероятно, он растаял очень недавно, так как, в противном случае, почва поросла бы кустарником, как и вся остальная долина. И до чего странный запах стоит над дорогой! Удивительное место! А все же это отличная дорога для собак.

Пройдя немного дальше, Лессельс крикнул мне:

– В скалах жила, я должен осмотреть ее. Погодите, я привяжу собак.

В эту секунду исполинский лось показался из чащи перед нами и побежал по долине.

– Никогда не видывал таких лосей, – вскрикнул я. – Я должен убить его, Лессельс! Как жаль, что мне не удастся доставить эту голову в цивилизованные области. Во всяком случае, нам сегодня необходимо мясо, и я застрелю животное, а потом измерю его рога.

Я бросился за лосем, время от времени целился в него, но как только я готовился выстрелить, какая-нибудь чаща непременно мешала мне. По дороге сладкий аромат делался все сильнее и сильнее, и я спрашивал себя, от каких кустов лился он; я нигде не видел цветущих растений.

Лось повернул за угол скалы и на мгновение скрылся у меня из виду. Я побежал за ним и, когда тоже миновал выступ, с удивлением увидел, что он мчится ко мне обратно. Опустившись на одно колено, чтобы лучше прицелиться, я выстрелил. Разрывная пуля попала прямо в грудь животного и нанесла ему ужасную рану. Лось покачнулся и упал. Я кинулся к нему. Вдруг большая волна мускусного, сладкого запаха нахлынула на меня.

Я поднял голову, посмотрел – и увидел «его». Громадное создание высотой, я думаю, в сорок-пятьдесят футов бежало ко мне; у него были страшные, выпученные глаза и громадные когти. Оно заревело, как-то ужасно затрубило. С мгновение я смотрел на кошмарно-страшное существо, потом, бросив ружье, побежал по долине, спасая жизнь. Зверь остановился и стал разрывать лося на куски.

Я бежал, как еще никогда не бегал; наконец, задыхаясь, остановился подле Лессельса. Он осматривал скалы, но обернулся ко мне и заметил:

– Индеец сказал правду, Мазен. Здесь золотиносный кварц. Я никогда не слыхивал о такой жиле. Сравнительно с этим местом, Клондайк ничто!

– Скорее спасайтесь... – пробормотал я.

Не успел я дать каких-нибудь объяснений, появилось чудовище. Оно двигалось с быстротой двадцать миль в час, и секунды через две было бы перед нами.

– Бегите в пещеру, там, в стене скал, а я постараюсь выстрелить, – крикнул Лессельс.

Его ружье щелкнуло. Животное громко заревело и продолжало бежать. Я, безоружный, кинулся к пещере... Лессельс за мной...

Невдалеке от узкого входа в грот мой друг поскользнулся и уронил ружье, однако, снова поднялся как раз вовремя, чтобы кинуться вслед за мной. Отверстие было футов пять в высоту, и мы пробежали до самого конца пещеры. К счастью, она была длиной футов в двадцать, а, может быть, и больше. Странный трубный звук потряс грот, и громадные когтистые пальцы просунулись вслед за нами.

– Как грустно, что я уронил ружье! Первая моя пуля отскочила от его головы. Вероятно, кожа чудовища, точно железо. Зачем я не выстрелил ему в рот! Ах, что это?

Послышался визг, потом наступила тишина.

– Собаки, – сказал Лессельс. – Бедные! Я привязал их, и они не могли спастись.

Он зажег спичку, осветив глубину пещеры. В углу лежали кости.

– Сюда прятались олени и гибли от голода, – объяснил Лессельс. – Я не удивляюсь этому. Нужно пойти посмотреть, не ушло ли чудовище.

– Не ходите, не ходите, Лессельс, – истерически закричал я. – Вдруг оно схватит вас! Я боюсь, я боюсь... Мне страшно остаться здесь одному...

– Я буду осторожен, старина; ведь я вас завел в эти тиски и должен спасти вас.

Лессельс тихонько пополз вперед, потом выбросил камень из пещеры. В следующую секунду появилась страшная лапа и стала скрести пол и стены пещеры.

– Чудовище нас караулит, – сказал Лессельс. – Мы должны были знать это, судя по его адскому запаху. Ночью попытаемся бежать. Хуже всего то, что чудовище наступило на мое ружье и согнуло его ствол, а ваше валяется в долине. Плохое положение! Лучше всего вам заснуть. Я буду караулить. Ночью же, повторяю, мы попробуем бежать.

Я лег и скоро крепко заснул. Мне кажется, ужас совершенно истощил меня. Вероятно, прошло несколько часов раньше, чем Лессельс разбудил меня.

– Пойдите, посмотрите, – сказал он. – Страшилище играет, как котенок.

Я пошел за ним к выходу из пещеры; огромное, отвратительное создание прикикло к дороге и ползало взад и вперед, казалось, будто это движение доставляло ему удовольствие. А между тем, его алчные глаза наблюдали за нами.

– Это хитрое животное, – заметил Лессельс. – Смотрите, с каждым движением, оно понемногу приближается к нам. Назад, скорее! По глазам страшилища я вижу, что оно сейчас прыгнет.

Мы отшатнулись от входа в пещеру как раз в то мгновение, когда животное бросилось к нам. Я думаю, этим прыжком оно оставило позади себя около шестидесяти футов.

– Если бы только у меня было ружье, – простонал Лессельс. – Одна разрывная пуля не могла повредить ему, но двадцать, вероятно, подействовали бы. Что за страшное создание! Величиной оно с полдюжины слонов, а ловкостью и жестокостью напоминает кошку.

До темноты мы наблюдали за прыжками зверя и заметили, что полные дьявольской сообразительности глаза страшилища не отрывались от нашей пещеры.

Вдруг Лессельс вздрогнул.

– Чудовище строит... Это мыслящее чудовище... у него такой же мозг, как у нас.

Кошмарный зверь, действительно, накладывал против нашей пещеры одни камни на другие.

– Он хочет окружить нас стеной, – шепнул Лессельс, и во мне замерла всякая надежда.

– Да, зверь хочет помешать нам бежать, – прибавил через мгновение мой товарищ. – Посмотрите-ка: он кладет качающиеся камни сверху. Если до них дотронешься, они с шумом упадут и предупредят его. Это дьявольское создание. Ну, позже попробуем бежать...

Лессельс ждал до темноты, потом бросил в стену валун, и шум от его падения отдался в глубине долины. Посыпались и другие каменные осколки, точно обвал. Громадное животное, с глазами, горевшими фосфорическим светом, стало свирепо царапать в нашу пещеру.

– Нечего пробовать бежать, Лессельс, – сказал я. – Мы здесь умрем. Я могу ждать смерти от голода, но «этого» вынести не могу.

– Нужно что-нибудь делать. Ведь через день, два, мы совсем ослабеем. Кто знает, может быть, к утру страшилищу надоест сторожить нас. Ах, если бы нам только удалось выиграть четверть часа!

– К чему? – спросил я. – Это животное бежит, как поезд-экспресс.

– Я думаю взобраться на утес, а не бежать по долине. Громадное создание не сумеет удержаться на выступах скал, если оно кинется за нами. А здесь должно быть место, где мы могли бы взобраться на откос. Если бы нам удалось только опередить его на сотню футов, мы спаслись бы... Засните, это подкрепит ваши нервы к утру.

Когда пришло утро, сладкий аромат убедил меня, что враг по-прежнему сторожил нас. Чудовище лежало ярдах в пятидесяти от пещеры и жадно, искоса поглядывало в нашу сторону. Я чувствовал жестокий голод и головокружение; вид наших запасов близ опрокинутых саней еще увеличивал мои муки.

Лессельс посмотрел на меня и сказал:

– Мазен, если животное отойдет хоть немного, я дам вам возможность спасения. Я побегу по долине, а пока зверь будет гнаться за мной, вы уйдете. Но, ради Бога, не оставайтесь на равнине. Ваше единственное спасение – вскарабкаться на стену.

– Ни за что, ни за что не позволю, – сердито ответил я. – Пусть я здесь умру, все-таки это лучше, чем думать, что я позволил вам принести себя в жертву ради меня. И слышать не хочу об этом!

– Да ведь я причина всего.

– Не браните себя. Я знал все, что знали и вы. А кто же мог ждать «этого»?

И я указал на страшилище. Через секунду случилось то, что прекратило наши разговоры. Из чащи показался громадный лось, и страшилище загродило ему дорогу.

Через мгновение зверь прыгнул, схватил лося передними лапами, и последовала такая ужасная и отвратительная сцена, что я не мог присутствовать при ней. Чудовище играло с лосем, как кошка с мышью, то отпуская, то снова схватывая его...

Когда, наконец, страшное животное покончило со своей жертвой, оно отошло к изгибу долины, глядя по направлению нашей пещеры своими громадными глазами.

– Вы видели его взгляд? – спросил Лессельс. – Оно хочет выманить нас наружу.

Долго мы ждали в полной неподвижности; наконец, Лессельс сказал:

– Засните-ка опять немножко, это поможет вам лучше выносить голод, а позже мы придумаем что-нибудь.

Я повиновался ему и проспал, вероятно, около часа. Меня разбудил новый громовой торжествующий рев. Я вскочил. Лессельса не было в пещере. Подбежав к ее отверстию, я увидел его в центре долины. Он наклонился над нашими санями, а чудовище несло к нему.

– Назад, назад! – крикнул я.

Он помахал мне рукой... Боже мой, я не могу забыть этого полного бодрости жеста... Потом что-то высоко поднял над головой. Я, как безумный, побежал к нему, когда животное прыгнуло, открыв пасть. Лессельс ждал до последней секунды, наконец, бросил какую-то вещь в его зияющую пасть, но чудовище свалило его. В следующее мгновение послышался оглушительный взрыв, и громадная голова животного разлетелась в осколки. Тут я понял, что сделал мой отважный друг. Он открыл бочонок со взрывчаткой и, прикрепив к нему горящий фитиль, ждал до той минуты, в которую уже не мог промахнуться.

Я отнес бедное раздавленное тело моего друга в пещеру и долго сидел над мертвым товарищем, который ради меня пожертвовал жизнью. И вдруг меня охватил ужас страшной долины. Я почувствовал, что если я останусь в ней хотя бы на одно мгновение, я сойду с ума. Навалив осколки камней на тело бедного Лессельса, я спросил себя, что мне делать дальше, и мне пришло в голову, что если я не найду ружья, то умру с голода.

Я вернулся к тому месту, где в первый раз увидел его и, к счастью, отыскал ружье. Из наших саней я взял мешок муки, кожаную куртку, патронов и решил уйти. Но голод почти превозмог мой страх. Я поел и задумал отдохнуть раньше, чем двинуться. И вдруг... Вдруг снова пронесся громовой рев, похожий на звук сотен неистовых труб.

Неужели у страшилища есть товарищ? Я побежал, точно меня преследовал гнев Божий, бежал безостановочно, только по временам смешивал пригоршню муки с водой и наскоро проглатывал это месиво. Лишь на следующий день, после полудня, я вышел из Благоуханной Долины и очутился в свежем воздухе пустыни. Тут я осмелился остановиться и отдохнуть.

Два месяца блуждал я, пока не вернулся к поселению «Мускусный Бык». Первые же встречные поселенцы спросили меня:

– Почему вы совсем поседели? И где Длинный Джек?

Я рассказал им о Благоуханной Долине, о большой жиле золотоносного кварца, об ужасном создании, которое убило моего дорогого товарища. Все слушали меня ласково и как-то снисходительно. Никто со мной не спорил, но я слышал их перешептывания и понял, что все они думают, будто мой мозг пострадал от ужасов пустынь.

Нет, нет, они ошибаются! Я не сумасшедший! Это не бред! Действительно, где-то около 60-го градуса северной широты и 125-го восточной долготы лежит эта Благоуханная Долина с величайшей в мире жилой золотоносного кварца. Но да сохранит Небо всякого, кто найдет ее.

О, не думайте, что я сумасшедший!

Редьярд Киплинг «Квикверн»

– Он открыл глаза, смотри.

– Положи его обратно в мех. Это будет сильная собака. Когда ему пойдет четвертый месяц, мы его назовем.

– В чью же честь? – спросила Аморак.

Кадлу окинул взглядом завешанную кожами комнату снежного дома, потом его глаза остановились на лице четырнадцатилетнего Котуко, который, сидя на своей скамье-кровати, вырезал из моржового бивня что-то вроде пуговицы.

– Назови его в мою честь, – сказал Котуко и улыбнулся. – Он когда-нибудь понадобится мне.

Кадлу ответил сыну усмешкой, да такой широкой, что его глаза почти совершенно скрылись за поднявшимися толстыми плоскими щеками, и он кивнул головой Аморак. Между тем ожесточенная мать щенка с визгом старалась подняться и взглянуть на своего детеныша, а он, недоступный для нее, барахтался в сумочке из тюленьей кожи, которую подогревала стоявшая под нею лампа. Котуко продолжал заниматься резьбой; Кадлу бросил свернутую кожаную собачью сбрую во вторую крошечную комнату, устроенную рядом с первой; спустил с себя тяжелое платье из оленьей кожи; положил его в сеть из китового уса, которая висела над другой лампой; сел на скамью, взяв для утоления первого голода кусок мороженого тюленьего сала в ожидании, чтобы Аморак, его жена, принесла ему настоящий обед, то есть вареное мясо и кровяной суп. На заре этого дня он вышел из дому, отправился за восемь миль к тюленьим отдушинам и вернулся с тремя убитыми крупными тюленями. На половине длинного, прорытого в снегу хода или туннеля, тянувшегося ко входу в дом, вы могли бы услышать лязг зубов и лай упряжных собак, которые после дневной работы ссорились из-за местечка потеплее.

Когда лай звучал слишком громко, Котуко лениво поднимался со скамьи, брал бич с восемнадцатидюймовой ручкой из упругого китового уса и с двадцатипятифутовым толстым плетеным ремнем. Он нырял в туннель, и оттуда доносился такой звук, точно все собаки съедали его заживо; в действительности же это был их обычный гимн перед едой. Когда мальчик выползал из другого конца туннеля, шесть пушистых голов следили, как он подходил к чему-то вроде виселиц, устроенных из китовых челюстей, с которых свешивалось мясо для собак; Котуко широким наконечником копья разделял замерзшее мясо на большие куски, потом останавливался, держа в одной руке кнут, а в другой собачий корм. Он звал каждую собаку по имени, сперва самых слабых, и горе той, которая выходила вперед раньше очереди: точно ременная молния неся кнут и, падая на животное, вырывал из его тела шерсть и кусок кожи. Получив свою долю, каждый пес, ворча и скаля зубы, убегал в туннель, а мальчик, стоя на снегу, облитый ослепительным светом северного сияния, продолжал раздачу корма. Большой черный вожак упряжных собак, который держал в повиновении стаю, получал свою долю позже всех. Ему Котуко давал двойную порцию мяса и лишний раз щелкал бичом над его головой.

– А, – сказал Котуко, свертывая кнут. – Там над лампой у меня есть маленький, который будет сильно выть. Сарпок, назад!

Он вернулся в дом; палочкой из китового уса, которую Аморак всегда вешала подле двери, стряхнув со своей меховой одежды сухой снег, поколотил рукой по крыше дома, обитой по краям кожей, чтобы сбить с нее ледяные сосульки, вероятно, свалившиеся со снежного купола вверх, и снова улегся на скамье, заменявшей ему кровать. Собаки в проходе то храпели, то визжали во сне; маленький щенок в глубоком меховом капюшоне Аморака шевелился, вздыхал и ворчал, его мать лежала подле Котуко, не отводя глаз от кулька из тюленьей кожи, висевшего в тепле и безопасности, над широким желтым пламенем лампы.

Все это происходило далеко на севере, за Лабрадором, за Гудзоновым проливом, в который огромные волны приносят груды льда, севернее полуострова Мельвиля, даже севернее узких проливов Фурии и Геклы, на северной окраине Баффиновой Земли, там где остров Байлот громоздится надо льдами Ланкастерского пролива, напоминая своей формой опрокинутую чашку для пудинга. Об области севернее Ланкастерского пролива мы знаем немного; нам известны только: Северный Девон и Эльсмирская Земля; тем не менее даже на этом крайнем севере, так сказать, рядом с полюсом обитают люди.

Кадлу был инуит (как вы называете – эскимос), и все его племя, всего около тридцати человек, было из Тунунирмиута – «страны, лежащей позади всего». И эта суровая область действительно лежит дальше всего в мире. В течение девяти месяцев там только лед и снег; буря налетает за бурей с морозом, невообразимым для того, кто никогда не видывал, как термометр (Фаренгейта) опускается хотя бы до нуля. Шесть месяцев из этих девяти стоит темнота, и в этом заключается самый ужас. В течение трех месяцев лета морозы бывают только через день и каждую ночь, на южных откосах снег начинает таять, а редкие приземистые ивы одеваются пушистыми почками; крошечные поросли на камнях зацветают; берега, покрытые прекрасным гравием и круглыми камешками, выбегают в открытое море, а отполированные валуны и избоженные скалы поднимаются над рыхлым снегом. Но через несколько недель это заканчивается; суровая зима снова сковывает землю. Весной лед разрывается, сталкивается, сжимается, трескается, разлетается, льдина надвигается на льдину; одна разламывает другую, наконец, все смерзается вместе слоем в десять футов толщины и тянется от земли туда, к глубоким водам.

Зимой Кадлу преследовал тюленей до окраины прибрежного льда и убивал их копьем, когда они поднимались, чтобы подышать через свои отдушины во льду. Тюленю необходимо жить в открытой воде, где он ловит рыбу, а суровой зимой лед иногда тянется на восемьдесят миль от берега без единой полыньи. Весной Кадлу и его семья отходили от воды на скалистую сушу, ставили там палатки из кож, ловили в силки морских птиц и копьями убивали молодых тюленей, гревшихся на отмелях. Позже они отправлялись южнее, на Баффинову Землю за дикими северными оленями, а также чтобы заготовить ежегодный запас лососей, пойманных в сотнях рек и протоков в глубине страны; в сентябре или октябре они возвращались обратно, на север, ради охоты на мускусного быка и настоящей охоты на тюленей. Это путешествие совершалось на санях, запряженных собаками, причем делалось по двадцати или тридцати миль в день. Иногда передвигались вдоль берега в больших кожаных «женских лодках»; в таких случаях собаки и дети лежали в ногах у гребцов, и пока эти странные суда скользили от мыса до мыса по стеклянистым, холодным водам, женщины пели свои песни. Все предметы роскоши приходили с юга: сухой лес для санных полозьев, железные крюки для гарпунов, стальные ножи, жестяные котелки, в которых готовить пищу удобнее, чем в старинной каменной посуде, кремни и огнива и даже спички, цветные ленты для украшения женских волос, маленькие дешевые зеркала и красное сукно, которым обшивались нарядные шубки из оленьих шкур. Кадлу продавал южным инуитам спиральные нарваловые рога оттенка сливок и зубы мускусного быка (они так же ценились, как жемчуг); южные же племена в свою очередь предлагали эти предметы китоловам и миссионерам с берегов проливов Эксетерт и Кумбурленд. Таким образом тянулась цепь: котелок, купленный корабельным поваром на базаре в Бхенди, мог окончить свои дни где-нибудь за Полярным кругом, над лампой с тюленьим жиром.

Хороший охотник, Кадлу, всегда держал про запас много железных гарпунов, острог, ножей, птичьих стрел и тому подобных охотничьих принадлежностей, которые помогают жить в стране великого холода. Он был глава своего племени, или, как говорилось, «человек, по опыту знавший все». Такое положение не давало ему власти; он имел только одно право: время от времени советовать своим друзьям менять охотничьи области; Котуко же старался пользоваться преимуществами отца и, до известной степени, по-инуитски, лениво распоряжался

остальными мальчиками, когда они выходили по вечерам поиграть в мяч при свете месяца или петь северному сиянию «Песню Ребенка».

Но в четырнадцать лет инуит считает себя взрослым, и Котуко надоело делать силки для диких птиц, главное же – помогать женщинам жевать шкуры тюленей и оленей (ничто иное не придает козам такой гибкости), занимаясь этим в течение долгого дня, пока мужчины охотились. Ему хотелось вместе с остальными охотниками сидеть в квагги или «доме песен» (молельне), куда взрослые собирались для совершения таинственных обрядов, где волшебник ангекок пугал их, доводя до восторженного ужаса, где в темноте, когда гасли лампы, на крыше слышался топот ног духа северного оленя, а копье, погруженное в ночную тьму, позже оказывалось окровавленным. Ему хотелось сбрасывать свои тяжелые сапоги в сетку с утомленным видом главы семьи, и вместе с зашедшими гостями-охотниками играть по вечерам во что-то вроде рулетки, сделанной из круглой жестянки и гвоздя. Множество желаний было у него, но взрослые смеялись над ним и говорили:

– Погоди, Котуко, тебе надо подготовиться да поучиться. Охота еще далеко не все.

Впрочем, теперь, когда отец подарил ему щенка, жизнь показалась Котуко веселее. Инуит никогда не отдает собаки сыну, если тот вовсе не умеет управлять ездовыми псами: Котуко же был более чем уверен, что в этом смысле он знал все, что надо знать.

Если бы щенок не обладал железным здоровьем, он, конечно, погиб бы от излишнего количества еды и от бесконечного учения. Котуко сделал для него маленькую сбрую с постромками и гонял его по полу, крича: «Ауа! Иа! Иа ауа! (Направо!) Чойачой! Иа чойачой! (Иди направо!) Охаха! (Стой!)». Все это совсем не нравилось щенку, но такие упражнения показались ему чистой радостью в сравнении с тем, что он испытал, когда его впервые впрягли в настоящие сани. Он сел на снег и стал играть с постромкой из тюленьей кожи, которая бежала от его сбруи к питу, то есть к одной из огромных ременных петель по обеим сторонам санок. Собаки двинулись; тяжелые десятифутовые сани накатились на спину щенка и потащили его по снегу. Котуко-мальчик, смеялся так, что слезы побежали по его лицу. Потом начался ряд ужасных дней: жестокий кнут, шипящий, как ветер над льдом, падал на щенка; товарищи кусали его за то, что он не знал своей обязанности, а сбруя ему мешала. Кроме того, ему больше не позволялось спать вместе с Котуко, и бедняге пришлось довольствоваться самым холодным местом в снежном коридоре. Грустное время наступило для Котуко-пса.

Мальчик учился так же быстро, как собака; однако управлять собачьей запряжкой такое дело, от которого можно потерять терпение. Самых слабых псов помещают как можно ближе к погонщику; от сбруи каждой собаки идет отдельная постромка, протянутая под ее левой передней ногой; она прикрепляется к главной постромке с помощью чего-то вроде пуговицы и петли; одним движением руки ее можно пристегнуть или отстегнуть, и таким образом освободить на время одну собаку. Это действительно необходимо, потому что очень часто постромка попадает между задними ногами молодой собаки и может разрезать ее тело до самой кости. Кроме того, на бегу псы стараются «повидаться» со своими друзьями и прыгают между постромками, дерутся, и в результате ремни запутываются хуже мокрой лезы, оставленной с вечера до утра. Всех этих неприятностей можно избежать, умело действуя кнутом. Каждый мальчик-инуит считает, что он отлично владеет длинным кнутом. Нелегко попадать плетеным ремнем в наметенную точку на земле, еще труднее на полном ходу наклониться и попасть взбунтовавшейся собаке по спине. Если вы позовете одну собаку по имени, когда она «беседует» с другой, и случайно ударите другую, они непременно подерутся между собой и остановят всю запряжку. Опять же: если вы путешествуете с товарищем и приметесь разговаривать с ним или наедине с собой запоете песню, собаки остановятся, повернутся и сядут, чтобы послушать, что вы хотите сказать. Несколько раз Котуко, забывший хорошенько закрепить сани при остановке, бывал сброшен в снег и погубил несколько ремней раньше, чем ему доверили полную упряжку из восьми собак и легкие сани. Получив все это, мальчик почувствовал себя важной персоной и

стал отважно носиться по черному льду с быстротой стаи гончих собак. Проехав десять миль до тюленых отдушин, он отстегивал одну постромку от питу и освобождал большого черного жожака, самого умного пса из всех. Едва собака чуяла отдушину и давала об этом знать, Котуко переворачивал сани и погружал в снег пару подпиленных оленьих рогов, которые, точно ручки детской колясочки, торчали сзади. Это делалось, чтобы собаки не могли уйти. Потом мальчик, дюйм за дюймом, осторожно крался вперед, выжидая, чтобы тюлень поднялся к отдушине подышать. Как только показывалась голова зверя, Котуко быстро кидал в него свое копье на привязи и притягивал его к кромке льда; черный жожек подбегал к нему и помогал протаскать убитого зверя к саням. Упряжные собаки выли, и их пасти покрывались от возбуждения пеной; Котуко хлестал их по мордам, как раскаленной сталью, пока убитый тюлень не замерзал так, что становился крепким. Возвращение представляло трудную работу. Приходилось слезать за санками, пересекавшими неровный лед; собаки садились и, вместо того чтобы тащить их, жадно посматривали на добычу. Наконец, выезжали на санную дорогу к деревне и двигались по звонкому льду; собаки опускали головы, поднимали хвосты, а Котуко начинал петь песню «Возвращающегося охотника», и под сумрачным, усеянным звездами небом из каждого дома до него долетали голоса.

Когда Котуко-пес вполне вырос, он стал тоже наслаждаться. Он медленно завоевывал себе почетное место среди остальных собак, подвигаясь вперед после каждого боя. И вот в один прекрасный вечер он во время еды оттрепал черного большого жожака (Котуко-мальчик видел, что это был честный бой) и после этого сделался, как называют инуиты, помощником. Наконец он занял место жожака и стал бегать на пять футов впереди всех остальных собак, получив обязанность прекращать все драки, были ли собаки в сбруе или на свободе, и стал носить очень тяжелый и толстый ошейник из медных проволок. В особых случаях его кормили в доме вареной пищей; иногда ему позволялось спать на скамье рядом с Котуко. Он был хорошей тюленьей собакой и умел останавливать мускусного быка, прыгая вокруг него и хватая его за ноги. Он даже (а для упряжной собаки это высочайшее доказательство мужества) шел один на один против тощего полярного волка, которого все северные собаки боятся больше, чем всех остальных зверей, бродящих по снегу. Он и его хозяин (они не считали своими товарищами обыкновенных упряжных собак) охотились каждый день и каждую ночь; мальчик, закутанный в мех, и лютая длинношерстая желтая собака с узкими глазами и с белыми клыками. У инуита есть только одно дело: добывать пищу и теплые шкуры для себя и своей семьи. Женщины делают из шкур платье, иногда помогают ловить в силки мелкую дичь; главный же запас еды (а едят они чудовищно много) должны добывать мужчины. Если запас пищи истощится, не у кого купить, попросить или занять съестных припасов, приходится умирать.

Инуит не думает о бедах, пока они не вырастают перед ним. Кадлу, Котуко, Аморак и новорожденный мальчик, который шевелился в меховой сумке Аморак да целый день жевал тюленьё сало, составляли самую счастливую семью в мире. Они принадлежали к очень кроткой расе (инуит редко выходит из себя и почти никогда не бьет ребенка), к расе, не знавшей, что значит солгать по-настоящему, а еще меньше умевшей красть. Они довольствовались пропитанием, которое доставали среди лютого, безнадежного холода; улыбались масляными губами; по вечерам рассказывали странные истории о привидениях или сказки; ели до пресыщения и пели бесконечные «женские» песни «Амна айя, айя амна ах! Ах!» в течение целых дней при свете ламп и под эти звуки чинили свое платье и охотничьи принадлежности.

Но в одну страшную зиму все изменилось. Тунунирмиуты вернулись со своей ежегодной ловли лососей и построили жилища на раннем льду, к северу от острова Байлота, чтобы, едва море замерзнет, отправиться за тюленями. Но стояла ранняя и лютая осень. Весь сентябрь непрерывные бури ломали гладкий лед, когда он еще лежал слоем всего в четыре или пять футов толщины, выжимали его на сушу и, наконец, образовывали огромную преграду, миль в двадцать шириной, состоявшую из исковерканных, покрытых зазубринами льдин, и по этой

поверхности не было возможности протащить собачьи сани. Окраина ледяного поля, на которой обыкновенно ловили тюленей, лежала приблизительно милях в двадцати от этой преграды, и тунунирмиуты не могли добраться до нее. Конечно, они все-таки прожили бы зиму, питаясь запасом мороженных лососей, тюленьего жира и дичью, попадавшейся в силки, но в декабре один из их охотников натолкнулся на «тупик» (палатку из звериных кож); в ней были три женщины и девушка-подросток, все слабые, почти умирающие. Мужчины из этой семьи пришли с севера и были раздавлены льдами, когда они в своих легких кожаных лодках преследовали нарвалов. Понятно, Кадлу осталось только разместить этих женщин по зимним хижинам своей деревни: инуит никогда не решается отказать чужестранцу в пище. Он не знает, когда наступит его очередь просить! Аморак взяла девушку, которой было лет четырнадцать, в свой дом и превратила ее в нечто вроде служанки. Судя по ее остроконечной шапке и по узору в виде ромбов на ее высоких сапогах из кожи белого оленя, предполагалось, что она уроженка Эльсмирской Земли. Девушка с севера никогда раньше не видывала жестяных котелков и саней с деревянными полозьями, но Котуко-мальчик и Котуко-собака очень полюбили ее.

Скоро все лисицы ушли на юг, и даже россомаха, этот ворчащий, тупоносый вор, не соблаговолвила пройти вдоль ряда пустых силков Котуко. Племя потеряло двух своих лучших охотников, жестоко изуродованных во время боя с мускусным быком, и на плечи остальных легла лишняя работа. Котуко каждый день выходил на охоту с легкими охотничьими санками и с шестью или семью самыми сильными собаками; он смотрел до боли в глазах, отыскивая кусочек чистого льда, где тюлень мог прокопать для себя отдушину. Котуко-пес бегал взад и вперед, и среди мертвой тишины этих снежных полей Котуко-мальчик слышал его полузаглушенное повизгивание; на расстоянии трех-четырех миль оно слышалось так ясно, точно раздавалось рядом. Когда собака находила отдушину, мальчик выстраивал маленькую низкую снежную стену для защиты от невыносимого ледяного полярного ветра, садился и ждал десять, двенадцать, иногда двадцать часов, чтобы тюлень подплыл подышать; глаза охотника не отрывались от маленькой метки над полыньей, которая должна была руководить ударом его гарпуна. Он сидел на коврике из тюленьей кожи, стянув ноги тутаренгом, ремнем, о котором ему раньше толковали старые охотники. Тутаренг удерживает от дрожи ноги человека, когда он все ждет, ждет и ждет, чтобы к поверхности воды подплыл тюлень, обладающий тонким слухом. Это не волнующая охота, и вы легко поверите, что такое неподвижное ожидание со связанными ногами, в то время как термометр показывает приблизительно сорок градусов ниже нуля, самая тяжелая работа. Когда тюлень бывал убит, Котуко-пес делал прыжок вперед, волоча за собою ремень, и помогал своему хозяину тащить зверя к саням, где под защитой громад льда лежали утомленные, голодные, мрачные собаки.

Тюленьего мяса хватало не надолго; в маленькой деревне каждый рот имел право на еду, и ни одна кость, ни один кусок кожи или сухожилия не пропадали даром. Собачий корм теперь служил пищей для людей, и Аморак кормила упряжных псов кусками старой кожи летних палаток, вытащенных из-под скамеек для спанья. Бедные животные были без конца; даже по ночам просыпались и выли от голода. Судя по каменным лампам в хижинах, становилось понятно, что голод подходит. В хорошие года, при изобилии тюленьего жира, пламя в этих лодкообразных плоскостях поднималось на высоту двух футов, было весело, желто, маслянисто. Теперь оно едва достигало шести дюймов. Когда пламя разгоралось сильнее, Аморак заботливо придавливала светильню из моха, и глаза всей семьи следили за ее рукой. Голод при страшном морозе не так смертельно ужасен, как страх умереть без света. Инуит боится темноты, которая без перерыва гнетет его шесть месяцев в году, и когда лампы горят тускло, мысли этих северян мешаются, делаются печальны.

Но надвигалось еще худшее.

Ненакормленные собаки лязгали зубами, ворчали в туннель, пылающими глазами смотрели на холодные звезды и по ночам нюхали свирепый ветер. Когда их вой прекращался, наступ-

пала полная тишина, такая же тяжелая, как сугробы подле дверей; люди слышали биение крови в своих ушах и удары собственных сердец, громкие, как бой барабанов колдунов. Раз ночью Котуко-пес, который был необыкновенно мрачен в этот день, вскочил, толкнул головой колено Котуко. Котуко погладил его, но собака снова, ласкаясь, толкнула его колено. Тогда проснулся Кадлу, схватил большую волчью голову пса и заглянул в его стеклянистые глаза. Собака задрожала и жалобно взвизгнула, зажатая коленями Кадлу. На ее шее поднялась шерсть; она заворчала, точно подле дверей был кто-то чужой, и вдруг весело залаяла, стала валяться по полу, как щенок, покусывая сапог Котуко.

– Что это? – спросил Котуко. Ему стало страшно.

– Это болезнь, – ответил Кадлу. – Собачья болезнь.

Котуко-собака подняла голову, завывала, замолчала и снова начала выть.

– Я прежде не видал этого. Что же с ним будет? – спросил Котуко.

Кадлу пожал одним плечом и перешел через хижину за своим коротким гарпуном. Большой пес посмотрел на него, снова завыл и, скорчившись, пошел по туннелю, другие собаки расступались перед ним, давая ему дорогу. Выбежав наружу, на снег, он ожесточенно залаял, точно напав на след мускусного быка, и с лаем, прыгая и играя, исчез из вида. Это была не водобоязнь, а простое, настоящее сумасшествие. Холод, голод, главное же, темнота действовали на его голову. Раз одну собаку охватывает эта страшная собачья болезнь, она распространяется и на других собак с быстротой лесного пожара. Во время следующей охоты днем заболела еще собака, и Котуко убил ее, когда она кусалась и билась среди постромок. Потом черный пес, помощник, бывший вожак, внезапно кинулся по воображаемому следу северного оленя и, когда его спустили, бросился на груды льда, наконец убежал, как это сделал Котуко-пес, унося с собой и свою сбрую. Теперь никто не стал выводить собак на охоту. Они могли пригодиться для других целей, и собаки знали это, и хотя их привязали и кормили из рук, глаза бедных животных горели отчаянием и страхом. Точно для того, чтобы еще ухудшить дело, старые женщины принялись рассказывать истории о привидениях; говорить, что они видели духов охотников, погибших в эту осень, и что эти призраки предсказывали всевозможные страшные бедствия.

Котуко больше жалел о пропаже своей собаки, чем о чем-либо другом, потому что, хотя инуит ест чудовищно много, он также умеет голодать. Тем не менее голод, темнота, мороз и вечное пребывание на морозе действовали на мозг мальчика: ему стали слышаться голоса; он начал видеть людей, которых не было поблизости. Раз после десятичасового ожидания подле «слепой» тюленьей отдушины, Котуко снял со своих ног ремень и побрел к деревне, слабый, чувствуя головокружение; вот он остановился и прислонился спиной к каменной глыбе, которая держалась на одном выступе льда. Вес мальчика нарушил равновесие камня; он покатился. Котуко прыгнул в сторону, чтобы увернуться от него, скользнул и с шипением полетел за ним по ледяному откосу. Этого было достаточно для Котуко. Его давно убедили, что в каждом утесе, в каждом камне есть жилец (его инуа). Обычно этот инуа – одноглазая женщина по имени Торнак; когда такая Торнак желает помочь человеку, она катится за ним в своем каменном доме и спрашивает его, желает ли он, чтобы она сделалась его духом покровителем. Летом ледяные опоры скал тают, и каменные глыбы катятся на каждом шагу; таким образом вы легко поймете, почему родилась мысль о живых камнях. Целый день Котуко слышал в своих ушах шум крови и думал, что это его Торнак говорит с ним. К тому времени, как он вернулся домой, мальчик вполне убедился, что он вел длинный разговор с ней и, так как Кадлу и все остальные считали это вещь возможной, никто не стал ему перечить.

– Она мне сказала: «Я качусь вниз, качусь вниз, с моего места на снегу», – говорил Котуко, с горящими глазами, наклоняясь вперед. – Она сказала: «Я буду проводницей». Она сказала: «Я буду водить тебя к хорошим тюленьим отдушинам». Завтра я пойду поохотиться, и Торнак пойдет со мной.

Пришел ангекок, местный колдун, и Котуко повторил ему то же самое. При повторении рассказ не стал хуже.

– Иди за торнайтами (духами камней), и они доставят нам еду, – произнес ангекок.

В течение нескольких последних дней девушка с севера лежала подле лампы, ела мало, говорила еще меньше; но когда на следующее утро Аморак и Кадлу приготовили маленькие ручные санки и нагрузили на них все охотничьи принадлежности и то количество тюленьего жира и мороженого мяса, которое могли выделить сыну, она взялась за постромку и зашагала рядом с Котуко.

– Твой дом – мой дом, – сказала она, когда санки с костяными полозьями, скрипя и громокая, покатались среди ужасной полярной ночи.

– Мой дом – твой дом, – ответил Котуко. – Но мне кажется, что мы с тобой оба уйдем к Седне.

Седна – властительница подземного мира, и инуит верит, что каждый умерший должен целый год пробыть в ее ужасной стране и только после этого может попасть в квадлипармиут, счастливое место, где никогда не бывает мороза и толстые северные олени прибегают на зов людей.

Жители кричали: «Торнайт говорили с Котуко. Они покажут ему чистый лед. Он опять принесет нам тюленя!» Но холод скоро поглотил их голоса; сомкнулась густая тьма, Котуко и девушка шли рядом, натягивая постромки и направляясь к полярному морю. Котуко настойчиво повторял, что Торнак камня велела ему идти на север, и на север они шли под Туктукд-жунгом-Оленем, то есть под теми звездами, которые мы называем Большой Медведицей.

Ни один европеец не мог бы пройти и пяти миль в день по ледяным торосам и обледенелым высоким сугробам; но Котуко и его спутница умели так поворачивать кисти рук, чтобы заставить сани объезжать бугор, или так дернуть постромки, чтобы провести сани над трещиной; знали они также, сколько надо затратить сил, чтобы несколько раз спокойно ударить по льду наконечником копья и сделать тропинку проходимой.

Северная девушка не говорила, она только наклоняла голову, и длинная бахрома из меха росомахи, окаймлявшая ее горностаевый капюшон, падала на ее широкое темное лицо. Над ними распростерлось бездонное черное бархатное небо, на горизонте сменявшееся полосой оттенка индийской красной краски; большие звезды горели там, как уличные фонари. Время от времени зеленоватая волна северного сияния прокатывалась по высокому небу, мерцала, как флаг, потом исчезала; по временам метеор с треском пролетал из темноты в темноту, оставляя за собой целый поток искр. Тогда они видели изрезанную гребнями и рвами поверхность ледяного поля, на которой играли странные оттенки: красный, медный, синеватый; когда же светили одни звезды, все делалось одинаковым, серым, безжизненным, скованным морозом. Как вы помните, осенние бури терзали и волновали море так, что оно превратилось в какое-то замерзшее землетрясение. Виднелись рвы, ущелья и впадины, похожие на песочные ямы, – все прорезанное во льду; ледяные глыбы и отколовшиеся куски лежали, примерзшие к первоначальной ледяной поверхности; валялись обломки старого черного льда, загнанные напором ветра под ледяной пласт и снова поднявшиеся вверх; рядом были округлые ледяные валуны, зубчатые гребни, образованные снегом, который летит, гонимый ветром, наконец, глубокие ложбины площадью в тридцать – сорок акров, расположенные ниже уровня основного ледяного поля. На некотором расстоянии вы могли бы принять ледяные глыбы одну за тюленя, другую за моржа или же за опрокинутые санки, или за людей-охотников, или же за самого огромного десятиногого белого медведя-призрака; однако, несмотря на такие фантастические формы, как бы готовые ожить, не слышалось ни звука, ни даже малейшего слабого шума. И среди этой тишины, по этой пустыне, в которой внезапный свет вспыхивал и гас, санки и две фигуры, тащившие их, двигались, как фантастические образы в кошмаре светопредставления на самой окраине мира.

Когда они устали, Котуко строил то, что охотники называют «полудомом», – очень маленькую снежную хижину; в ней они отдыхали, взяв с собою походную лампу, и старались оттаять кусок мороженого тюленьего мяса. Выспавшись, они снова пускались в путь и проходили тридцать миль в день, чтобы подвинуться на десять миль к северу. Девушка почти все время молчала; Котуко же бормотал что-то про себя или время от времени пел песни, которым научился в «доме песен», молельные: летние песни, оленье, песни лосося, – все очень неуместные в это время года. Иногда он объявлял своей спутнице, что с ним говорит Торнак, и быстро поднимался на пригорок, вскидывая руки с громким угрожающим криком. Говоря правду, в то время Котуко был близок к помешательству, но его молчаливая спутница верила, что дух-хранитель направляет его и что все окончится хорошо. Поэтому она не удивилась, когда в конце четвертого перехода Котуко, глаза которого горели, как огненные шарики, сказал ей, что его Торнак идет за ними по снегу в форме двухголовой собаки. Девушка посмотрела в ту сторону, куда показывал Котуко: что-то действительно скользнуло в ложбину. Конечно, не человек; но ведь всякий же знает, что торнайты предпочитают являться в образе медведя, тюленя или другого зверя.

Может быть, это был сам десятиногий белый призрак-медведь или еще что-нибудь другое? Котуко и его спутница до того изголодались, что не могли полагаться на свои глаза. С того времени, как они вышли из деревни, им не удалось поймать в силки никакого зверя; они даже не видали следов дичи; запаса пищи могло им хватить только еще на одну неделю; вдобавок подходила буря. Полярная буря может бушевать десять дней без всякого перерыва, и все это время путнику грозит смерть. Котуко выстроил снежный дом, настолько просторный, чтобы в нем поместились санки (он хотел иметь под рукой запас пищи), и, когда укреплял в снегу последний кусок льда, неправильной формы, который служит замковым камнем крыши, увидел, что на небольшом ледяном утесе, на расстоянии мили от новой постройки, стоит какое-то существо и смотрит на него. В туманном, неясном воздухе существо это, казалось, имело сорок футов в длину и десять в высоту, с двадцатифутовым хвостом; все его контуры колебались и дрожали. Девушка с севера тоже увидела существо, но не закричала от ужаса, а спокойно заметила:

– Это Квикверн. Что будет дальше?

– Он заговорит со мной, – ответил Котуко, но нож для снега дрогнул в его руке: как бы ни был человек уверен в том, что он в дружбе со страшными и безобразными духами, он все же не любит быть пойманным на слове.

Квикверн – призрак исполинской беззубой и безволосой собаки; предполагается, что она живет на далеком севере и разгуливает повсюду, предвещая этим начало великих событий. Они могут быть приятны или неприятны; во всяком случае, даже колдуны не любят говорить о Квикверне. Именно он сводит собак с ума. Как и у призрачного медведя, у этого исполинского пса несколько лишних пар ног – шесть или восемь. Чудище, которое видели Котуко и его спутница, прыгало в дымке тумана, и у него оказывалось больше ног, чем нужно обыкновенной собаке. Котуко и северная девушка быстро юркнули в свою хижину. Конечно, если бы Квикверн пожелал добраться до них, он мог бы разметать крышу над их головами, тем не менее сознание, что пятифутовая снежная стена отделяла их от страшной темноты, служило для них успокоением. Ветер визгнул, напоминая крик поезда; началась буря; она продолжалась трое суток без малейшей передышки, и ветер бушевал, не утихая ни на минуту. Котуко и его спутница поочередно держали между коленями каменную лампу, подбавляя в нее тюлений жир, ели полутеплое тюленьё мясо и смотрели, как черная сажа собиралась на крыше; все это в течение семидесяти двух долгих часов. Девушка измерила количество мяса в санях; его осталось всего дня на два; Котуко осмотрел железные наконечники и привязи из оленьих жил на своем гарпуне, на тюленьем копье и на птичьей стреле. Больше нечего было делать.

– Скоро мы уйдем к Седне, очень скоро, – прошептала девушка с севера. – Через три дня мы ляжем и уйдем. Неужели твоя Торнак не поможет нам? Спой ей песню апгекока, чтобы призвать ее.

Котуко запел высоким, завывающим тоном волшебных песен, и буря медленно утихла. В середине его песни северянка вздрогнула и опустила на ледяной пол хижины сначала свою руку в рукавице, а потом и голову. Котуко последовал ее примеру; скоро оба стали на колени, глядя друг другу в глаза и напрягая все свои нервы, слушали. Юноша оторвал тонкую серебристую пластинку китового уса от края птичьего силка, который лежал на саях, распрямил ее и рукавицей укрепил в маленьком углублении во льду. Эта пластинка была почти так же нежна, как игла компаса, и теперь, перестав слушать, они наблюдали. Тонкий пруттик слегка задрожал; это было самое незаметное колебание в мире; потом несколько секунд он вибрировал, успокоился, снова задрожал, на этот раз указывая совсем в другую сторону.

– Слишком рано, – сказал Котуко. – Где-то далеко, далеко отсюда взломалось ледяное поле.

Девушка указала на пруттик и покачала головой.

– Сильные толчки, – сказала она. – Ломается большое пространство. Послушай нижний лед. Он вздрагивает.

Когда они снова опустились на колени, на этот раз до их слуха донеслось странное заглушенное ворчание как будто из-под ног; почувствовали они также удары. Иногда казалось, будто над лампой взвизгивал слепой щенок, потом точно кто-то ворочал большой камень по льду, потом раздавались как бы удары барабана, но все звучало глухо, точно доносилось откуда-то издали сквозь маленький рупор.

– Мы не пойдем к Седне, – сказал Котуко. – Лед ломается. Торнак нас обманула: мы умрем.

Все это может казаться нелепостью, но перед ними стояла настоящая опасность. Трехдневная буря погнала воду Баффинова залива на юг, и она залила окраину далеко выходящего материкового льда, который простирался от острова Байлота к западу. Кроме того, сильное течение, которое бежит к востоку от Ланкастерского пролива, несло с собой миля за милей то, что местные жители называют «плавающим льдом» – ледяную шугу; эти куски бомбардировали ледяную поверхность; в то же время возмущенное бурей море разрушало и взламывало ее. Котуко и его спутница слышали только отзвуки борьбы, происходившей за тридцать-сорок миль от них. А маленький, так много говорящий пруттик дрожал от этих ударов.

Инuitы говорят, что раз лед становится некрепким после долгого зимнего сна, трудно предвидеть, что случится дальше, потому что твердое ледяное поле изменяет свой абрис, чуть ли не с такою же скоростью, как облако. Налетевшая буря, очевидно, была преждевременной, весенней, и было возможно решительно все.

Тем не менее Котуко и северянка чувствовали себя счастливее прежнего. Если лед сломается, им не придется больше выжидать и страдать. Духи, привидения и волшебные существа двигались по качающемуся льду, значит, девушка и ее спутник могли вступить в область Седны вместе с этими удивительными существами, продолжая чувствовать волнение и восторг. Буря улеглась, они вышли из хижины; шум на горизонте постепенно возрастал, и крепкий лед стонал и трещал вокруг них.

– Он все еще ждет, – заметил Котуко.

На вершине снежного холма, не то сидя, не то скорчившись, ждало восьминогое чудовище, которое они видели три дня тому назад, и выло страшным голосом.

– Пойдем за ним, – сказала девушка. – Может быть, Квикверн знает дорогу, которая ведет не к Седне. – Она взялась за постромку, но зашаталась от слабости. Чудовище неуклюже и медленно двинулось по снежным гребням, постоянно держась направления ж земле; они пошли за ним, а ворчащий гром на окраине ледяного поля раскатывался и становился ближе. Поверх-

ность льда, треща, раскалывалась по всем направлениям; огромные ледяные пласты, толщиной футов в десять и от нескольких ярдов до двадцати акров в квадрате, ныряли, прыгали, находили один на другой или на еще невзломанную поверхность ледяного поля, повинувшись сильным волнам, которые сотрясали их и с пеной прокатывались между ними. Этот лед, похожий на таран, составлял, так сказать, первую армию, высланную морем против ледяных полей. Непрерывный грохот и удары огромных пластов почти поглощали треск и звон тех партий отдельных ледяных глыб, которые ветер загонял под крепкий лед, как мы прячем карты под салфетку на столе. В мелкой воде ледяные пласты громоздились друг на друга; нижние врезались в ил на глубине пятидесяти футов; а бушующее море так сильно напирало на илистый лед, что, наконец, давление воды снова двигало вперед все эти груды. Вдобавок буря и течения принесли с собой настоящие айсберги, плавающие ледяные горы, оторванные от берега Гренландии или от северного берега полуострова Мельвиля. Они торжественно ударились о лед; белые волны разбивались о них, и они шли к ледяному полю, точно древний флот на всех парусах. Гора, казалось, готовая унести весь мир раньше, чем беспомощно сесть на мель, переворачивалась, валялась среди пены, грязи и разбрасывала замерзшие брызги, тогда как гораздо меньший и не такой высокий обломок льда врезался в плоский край ледяного поля, раскидывая во все стороны целые тонны льда раньше, чем останавливался. Некоторые глыбы, точно мечи, прорубали каналы с неровными краями; некоторые рассыпались градом осколков, из которых каждый весил несколько десятков тонн, и все катились и вращались среди ледяных торосов. Иногда льдины, сев на мель, дыбом поднимались над водой, кривились, точно от боли, и тяжело падали набок, а волны их захлестывали.

По всей северной окраине ледяного поля, насколько хватало глаз, происходила сумятица: лед ломался, толкался, принимал всевозможные формы. С того места, где были Котуко и северная девушка, все это смятение, вся эта борьба казались какой-то беспокойной рябью, каким-то незначительным движением на горизонте; но оно с каждым мгновением приближалось к ним; издали, со стороны земли они слышали тяжелые удары, похожие на грохот артиллерийских выстрелов, доносящихся сквозь туман. Это значило, что ледяное поле было зажато железными утесами острова и отодвинуто к земле на юг.

– Ничего подобного никогда не бывало прежде, – тупо глядя вперед, заметил Котуко. – Еще рано. Как может теперь ломаться лед?

– Пойдем за «этим», – сказала северянка, показывая на существо, которое, хромя, бежало перед ними.

Они двинулись за ним и повезли свои ручные санки; а громовое шествие льда становилось все ближе. Наконец ледяное поле звездообразно треснуло около них, и трещины разбежались во все стороны, а потом разверзлись и лязгнули, как волчьи зубы. Но там, где остановилось существо, на холме из старых, отдельных ледяных глыб, поднимавшемся футов на пятьдесят, не было движения. Котуко опрометчиво кинулся вперед, таща за собою свою спутницу, и так добрался до подножия холма. Голос льда делался громче, но пригорок стоял неподвижно, и, когда девушка посмотрела на Котуко, он двинул своим правым локтем от себя и поднял его вверх, таким знаком инуит обозначает землю, вернее, остров. И, действительно, восьминогое, хромящее создание привело их к земле, к гранитному островку с песчаной отмелью; этот лежавший недалеко от берега остров был так одет, окутан и замаскирован льдом, что ни один человек в мире не мог бы отличить его от ледяной глыбы, тем не менее в его сердцевине была твердая земля, а совсем не хрупкий лед. Ледяное поле рушилось; куски льда отскакивали, разламывались, дробились, обозначая его границы; вот из-под льда показалась мель; она тянулась к северу и отражала натиск самых огромных и тяжелых льдин, опрокидывая их совершенно так, как лемех плуга переворачивает землю. Конечно, опасность еще не миновала; какая-нибудь сдавленная, огромная льдина могла надвинуться на берег и смести весь островок, но это не пугало Котуко и девушку с севера; они устроили снежный дом и стали есть, слушая,

как лед шипел вдоль отмели. Существо исчезло. Теперь Котуко, сжимая коленями лампу, с волнением говорил о своей власти над духами. Но в середине его сбивчивой речи девушка засмеялась, раскачиваясь вперед и назад.

Из-за ее плеча осторожно выглянули две головы, одна желтая, другая черная; это были головы двух самых опечаленных и пристыженных собак, которых вы когда-либо видели. Одна была Котуко-пес, другая – черный вожак. Обе жирные, красивые и обе совершенно здоровые; но они оказались связаны между собой. Вспомните: черный вожак убежал со своей сбруей. Он, вероятно, встретил Котуко-пса, стал играть с ним, или они подрались; во всяком случае, его наплечная петля зацепилась за ошейник из медной проволоки, обвивавший шею Котуко, и затянулась; таким образом, ни один из бедных псов не мог дотянуться до постромки, чтобы перегрызть ее, их соединяла как бы смычка; каждый пес был прижат к плечу своего соседа. Это обстоятельство вместе с возможностью охотиться только для себя, вероятно, излечило их от безумия. Теперь обе собаки совершенно выздоровели.

Северная девушка толкнула двух пристыженных псов к Котуко и, задыхаясь от смеха, сказала:

– Вот этот Квикверн отвел нас в безопасное место... Посмотри-ка, у него восемь ног и две головы!

Котуко перерезал ремень, и обе собаки, черная и желтая, кинулись к нему в объятия, стараясь по своему объяснить, как они отделались от безумия. Котуко провел рукой по их бокам, круглым и полным.

– Собаки нашли пищу, – с усмешкой сказал он. – Вряд ли мы так скоро пойдем в область Седны. Моя Торнак прислала их. Они отделались от болезни.

Покончив с приветствиями, собаки, которые несколько недель волей-неволей вместе спали, ели и охотились, бросились друг на друга, и в снежном доме произошел великолепный бой.

– Голодные собаки никогда не дерутся, – заметил Котуко. – Они отыскивали тюленя. Давай заснем, у нас скоро будет пища.

Когда Котуко и девушка проснулись, с северной стороны островка появилась открытая вода, отдельные льдины были отогнаны в сторону земли. Первый звук прибоя – самая восхитительная музыка для инуита: он обозначает приближение весны. Котуко и девушка с севера взяли друг друга за руки и улыбнулись; ясный, мощный грохот прибоя среди льда напомнил им о наступлении времени ловли лососей и охоты на оленей и воскресил в их памяти запах цветущих низкорослых ив. На их глазах вода между плавающими льдинами начала затягиваться корками; так силен был холод; зато на горизонте разливалось широкое красное сияние – свет утонувшего солнца. Казалось, это больше походило на зевок светила во время его глубокого сна, чем на первые лучи восхода; блеск солнца продержался всего несколько минут, однако он обозначал поворот года. Котуко и девушка чувствовали, что ничто в мире не могло изменить этого.

Котуко застал собак во время драки над только что убитым ими тюленем, который приплыл за встревоженной бурей рыбой. Этот тюлень был первый из двадцати или тридцати, в течение дня проплывших к островку; пока море не замерзло совершенно, несколько сотен черных голов виднелось в мелкой воде или плавало посреди отдельных льдин.

До чего было приятно снова поесть тюленьей печени, не скупясь наполнить лампы тюленьим жиром и смотреть, как в воздухе пылает пламя, поднимаясь на три фута! Однако, едва окреп новый лед, Котуко и его спутница нагрузили санки и впрягли в них двух собак, и все они тянули так, как еще никогда прежде. Котуко и девушка боялись за оставшихся в деревне. Стояла такая же безжалостная погода, как всегда; тем не менее легче везти санки, нагруженные съестными припасами, чем охотиться, умирая от голоду. Они зарыли в лед на отмели двадцать пять убитых и разделанных тюленей и поспешили домой. Котуко сказал собакам, чего

он от них ждет, и псы показывали ему дорогу; таким образом, хотя нигде не было ни признака зарубок или вех, через два дня псы стояли подле дома Кадлу и лаяли. Им ответили только три собаки; остальных съели; во всех домах было темно. Но, когда Котуко закричал: «Ойо!» – вареное мясо, слышались слабые голоса, когда же он сделал переключку жителей деревни – откликнулись решительно все.

Через час в доме Кадлу запылали лампы; снежная вода согревалась; котлы начали петь, и с крыши закапала вода. Аморак приготовила обед для своей деревни; ее малютка в меховой сетке жевал кусок жирного, маслянистого тюленьего сала; охотники же медленно и методично досыта наедались тюленьим мясом. Котуко и северная девушка рассказывали о том, что случилось. Между ними сидели две собаки; слыша свое имя, каждая из них поднимала одно ухо с крайне пристыженным видом. По словам инуитов, та собака, которая раз сходила с ума, навсегда избавлена от опасности повторения подобных припадков.

– Видите, Торнак нас не забыла, – сказал Котуко. – Налетела буря, лед сломался, тюлени поплыли за рыбой, испуганной порывами ветра. Теперь новые тюлени отдушины всего в двух днях пути от нас, даже меньше. Пусть хорошие охотники отправятся завтра и притащат сюда тюленей, которых я убил копьем, – двадцать пять тюленей я зарыл во льду! Когда мы съедем их, мы все снова пойдем на охоту.

– Что ты делаешь? – спросил колдун тем тоном, каким он обыкновенно разговаривал с Кадлу, самым богатым человеком в Тунунирмиуте.

Кадлу посмотрел на девушку с севера и спокойно ответил:

– Мы строим дом. – И он указал к северо-западу от своего жилища, потому что именно с этой стороны дома родителей всегда селится их женатый сын или замужняя дочь.

Северная девушка подняла свои руки ладонями вверх и немного уныло покачала головой. Она чужестранка. Ее подобрали полумертвую от голода, и она ничего не могла принести в хозяйство.

Аморак быстро поднялась со скамьи и принялась бросать на колени девушки разные разности: каменные лампы, железные скребки для кожи, жестяные котлы, олени шкуры, вышитые зубами мускусного быка, и настоящие парусные иглы, употребляемые моряками. Это было самое лучшее приданое, когда-либо выданное на дальней окраине полярного круга, и девушка с севера склонила голову до самого пола.

– И вот эти, – смеясь и напевая на ухо собакам сказал Котуко, и псы коснулись своими холодными носами лица девушки.

– Ах! – проговорил ангекок и кашлянул с важным видом, точно глубоко обдумывая что-то. – Как только Котуко ушел, я прошел в молельню и запел волшебные песни. В течение долгих-долгих ночей я все пел и взывал к духу оленя. Это от моих песен началась буря, которая сломала лед и пригнала двух собак на Котуко, как раз в ту минуту, когда лед мог изломать его кости. Это мои песни заставили тюленей плыть вслед за разбитым льдом. Мое тело лежало неподвижно, но дух носился по льду и направлял Котуко и собак, заставляя их делать все, что они сделали. Все совершил я.

Все уже наелись, всем хотелось спать, а потому никто не стал спорить. Тогда ангекок, в силу своего положения, взял себе еще кусок вареного мяса, съел его и лег вместе с остальными посреди этого теплого, ярко освещенного, пахнущего жиром дома.

Котуко, который, с точки зрения инуита, рисовал очень хорошо, выцарапал рисунки всех своих приключений на длинной костяной пластинке с отверстием с одного ее края. Когда он и северная девушка ушли на север в Эльсмирскую землю, в год чудесной зимы безо льда, он оставил этот рассказ в картинах Кадлу, а тот потерял пластинку, когда его санки сломались летом на берегу озера Нетилинга, в Никозирирге. Один приозерный инуит нашел ее следующей весной и продал в Имигене человеку, который был переводчиком на китоловной лодке в Кумберлендском проливе. Тот, в свою очередь, продал ее Гансу Ольсону, впоследствии занявшему

место квартирмейстера на большом пароходе, который возил путешественников к Нордкапу в Норвегии. Когда закончился сезон путешествий, пароход этот стал курсировать между Лондоном и Австралией, с остановками на Цейлоне. Там Ольсон продал пластину сингельскому ювелиру за два поддельных сапфира. Я нашел ее среди разного хлама в одном доме в Коломбо и перевел всю историю от начала до конца.

Джон Бакен «Сторож Кэдмуира»

Лесник Кэдмуира неторопливо поднялся по зеленому склону холма. Вытер пот со лба. Утренняя прохлада давно уступила место изнуряющей духоте. Надо было выйти пораньше, но так хотелось понежиться в постели. Как истинный шотландец он убедил себя, что жизнь слишком коротка, чтобы торопиться. И даже изнывая от жары, он не сожалел ни о чем. Нужно пересечь открытое место как можно быстрее, а там уж лесная чаща надежно укроет от лучей палящего солнца.

Лесник был хорош собой – гордая осанка, серые глаза и гладко выбритый подбородок, но главным его достоинством был неиссякаемый оптимизм. Даже здесь, в суровом краю дремучих лесов, он ходил беспечно, как на прогулке в городском парке, насвистывая балладу о пахаре с Линтонского холма, и пританцовывая в такт музыке, глубоко вбивал каблуки в мягкий зеленый мох.

Сегодня ему нужно подняться к Мэнор-Уотер, чтобы обсудить с тамошними пастухами облаву на лисиц. Путь предстоял долгий, десять миль в одну сторону, да еще и по крутому кособогу. Лесник не торопился, он хотел успеть к обеду, чтобы отведать наваристой пастушьей похлебки и покурить в свое удовольствие, а затем вернуться, наслаждаясь вечерней прохладой.

Тропинка вилась по краю ущелья, заросшего вереском. Лесник остановился возле огромной ели, разбитой молнией, и впервые за это утро нахмурился. В этих местах пару недель назад появились браконьеры. Проклятое племя! Крадутся во мраке ночи, расставляют капканы и силки на мелкую и крупную дичь. Лесник чуть было не поймал одного мерзавца, но тот вывернулся и прыгнул в ущелье, рискуя жизнью – только бы не отвечать перед законом.

Надо бы проверить, может он снова вернулся? Нет ли где ловушек? Пожалуй, стоит сделать небольшой крюк и посмотреть...

Он прошел по чуть заметной тропе сквозь заросли утесника, вспугнув стайку бекасов. Заслышав его шаги, и легион кроликов поспешил укрыться в своих норках. Он внимательно смотрел, не блеснет ли сталь в высокой траве, и когда солнечный луч заискрился на острых зубьях, усмехнулся. Вот и капкан.

Лесник присел, чтобы рассмотреть аккуратно поставленную и хорошо сконструированную ловушку. Это была замечательная ловушка. Он прежде не видел ничего подобного, и почувствовал одновременно гнев и ликование, предвкушая, как испортит замысел браконьеров. Скользящая петля из железной проволоки тянулась от капкана к стволу старого дерева. Ни один несчастный фазан или кролик, даже лисица или волк, не смогут сдвинуть его с места. А крепкие стальные зубы способны перебить даже самую крепкую лапу. Лесник, пробормотав ругательство, стал ощупывать стенки ловушки в поисках пружины. И вдруг с громким щелчком стальная пасть сомкнулась, прижав его правую руку чуть ниже среднего пальца.

Боль была ужасной. Рука горела огнем, и каждый нерв скручивался в узел от нестерпимой муки. Лево́й рукой лесник попытался ослабить давление, но пружина была так хорошо спрятана, что он не смог обнаружить секрет. Он тряс ловушку, дергал, но каждое движение вызывало лишь новую агонию в его заточенной руке. Тогда, оставив попытки раскрыть капкан, лесник попытался нащарить нож, чтобы перепилить проволоку или вырвать петлю из ствола. Новая волна ужаса затопила его разум. Сторож Кэдмуира обнаружил, что нож остался в другой куртке. Утром он слишком беспечно отнесся к сборам в дорогу и не проверил карманы...

С тяжелым вздохом лесник закрыл глаза. Возможно, на некоторое время он лишился рассудка – при сильных страданиях мозг редко бывает ясным. Усилием воли он заставил себя успокоиться и обдумать положение.

Итак, он застрял в капкане, до ближайшего жилья примерно две мили, но даже если бы до него было всего два ярда, их все равно не пройти. Домашние не начнут искать его до позднего вечера, а в Мэнор-Уотер никто не ждет его прихода. Если кричать – громко кричать, – возможно, в ущелье кто-нибудь и услышит. Но шансов мало, а голос пропадет довольно быстро.

Еще раз предпринял он отчаянную попытку вырваться, но безуспешно. Лесник откинулся на жесткое ложе из вереска, закусывая губы, чтобы хоть немного отвлечься от боли в зажатой руке. Он был сильным человеком, широкоплечим и жилистым. Более слабый давно бы грохнулся в обморок, но лесник оставался в болезненном сознании.

Сколько еще терпеть это тяжкое бремя? Браконьер, который поставил ловушку, обязательно придет, чтобы проверить добычу, но случится ли это сегодня? Или, может быть, завтра? Лесник представил своих друзей, которые охотятся в южных лесах или пастухов, гоняющих стада по склонам Мэнор-Уотер. Возможно, кто-то из них случайно забредет в эти края и найдет его, полумертвого. Или еще хуже – мертвого.

Он впал в панику. Голова закружилась, в глазах потемнела, а дрожь сотрясала все тело. Возможно, это наказание за грехи. Лесник смутно чувствовал, что сотворил в жизни немало зла. Порой он напивался до бесчувствия, а иной раз поминал имя Господа всуе. Но разве не все так поступают? Лесник пытался прочесть молитву. Вспомнить бы хоть одну... В прошлое воскресенье в церкви он пел вместе со всеми, но сейчас в голове звучал лишь припев застольной песни, которую часто орут хором в пиблском трактире:

– Коль полны пивом кружки,
Мы поспорим с судьбой.
А когда опустеют,
Да, когда опустеют,
Бог нальет нам еще по одной.

Он страстно повторял эти строки, как молитву о спасении своей души. Паника улеглась, и вскоре ей на смену пришла дикая ярость. Лесник ругался последними словами, он выкрикивал ужасные проклятья и угрозы. Если бы в эту минуту появился браконьер, который устроил эту ловушку, сторож Кэдмуира задушил бы его одной левой. Нет, это было бы слишком милосердно. Он увел бы его в самое уединенное место, в густой ельник, где даже днем не светит солнце, и загнал руку негодяя в капкан. Пусть подыхает от боли и голода, и никто не облегчит его страданий. Разве что дикие звери растерзают пленника стальной ловушки. Со злорадным хохотом, лесник снова попытался вырвать ладонь из крепкой хватки стальных зубьев. С каждым рывком он кричал от нестерпимой боли, но силы покидали его и голос звучал все глуше. Наконец, в полном изнеможении он лег и впал в забытие, и над зелеными холмами снова воцарилась тишина.

Через час он очнулся. В полусне-полубреду ему виделись адские морды злых духов, которые кривлялись и насмехались над страданиями несчастного человека. Стиснутая в капкане рука онемела, боль слегка притупилась. Он взглянул на посеревшую кожу. Похоже, острая сталь перебила кости, как лопата – замерзшую репу.

Горячий воздух пылал, палящее солнце слепило глаза. Вокруг жужжал рой насекомых: комары, пчелы и бабочки. Ветерок принес горьковатый запах тимьяна. Пленника стальной ловушки охватила жажда, и его пересохший язык еле ворочался во рту. Не далее чем в десяти футах протекал небольшой ручеек. Лесник видел радугу, сверкающую среди водяных брызг. Слышал нежное журчание, будто смеющееся над лихорадочным жаром. Он пытался думать о снеге и ледяных шапках далеких северных гор, но мозг не спешил обманываться, а жажда не утихала.

Стараясь отвлечься, сторож Кэдмуира стал вспоминать своих кредиторов. Их было не меньше дюжины, и всем он задолжал по несколько шиллингов, а пузатому трактирщику – целых два фунта. Если суждено погибнуть в этих дебрях, так хоть долги отдавать не придется. Впервые с того момента, как ловушка защелкнулась, лесник улыбнулся. И тут же слезы показались по бледным щекам. Он подумал о своей молодой жене, с которой было так приятно поваляться в кровати минувшим утром. Он представил себе в мрачных подробностях, как она будет опечалена, когда в лесу найдут его мертвое тело. На похоронах жена будет рыдать, а его друзья, качая головами, пожалуй, скажут, что погибший был честным малым... Кто из них, спустя год предложит вдове снова выйти замуж? Да и выдержат ли хотя бы год, вот в чем вопрос...

Он закричал от обиды, гнева и боли. Да, боль вернулась и мир съезжился вокруг пульсирующей руки. Лесник будто обезумел. Он кричал и птицы, скрытые в листве, отвечали ему тревожными трелями. Он бился головой о ствол дерева, к которому была привязана ловушка, бился до тех пор, пока не потерял сознание.

В девять часов вечера на полянку тихо прокрался небритый оборванец. С первого взгляда на этого бродягу было ясно, что он не слишком ладит с законом. За спиной у него болтался мешок для незаконно пойманной добычи, а в руке браконьер сжимал дубинку, на случай встречи с лесником или конкурентами. Проверив ловушки, спрятанные в укромных уголках леса, бродяга расстроился – никто так и не попался в силки, а живот уже сводило от голода. Вся надежда на последний капкан. Браконьер осторожно выглянул из-за дерева и испуганно присел. Он увидел фигуру человека, причем не абы какого – это был злейший враг всех незаконных добытчиков. Сторож Кэдмуира. Бродяга хотел отползти, пока его не заметили, но приоткрылся. Лесник лежал неподвижно. После минутного раздумья, браконьер почесал бороду и со вздохом достал из кармана острый нож.

Полчаса спустя лесник пришел в себя и рассеянно смотрел по сторонам. Стоило больших трудов вывести его из состояния, которое, казалось, было самым долгим сном, который он когда-либо спал. Рядом с ним на траве сидел браконьер и протягивал фляжку, на дне которой плескалось немного бренди.

– Сам решай, что со мной делать, – говорил он. – Хочешь пни, а хочешь – убей, я готов. Скажешь, отправлюсь в тюрьму, в Пиблз или Карлтон, и во всем покаюсь. Но... Может, лучше в трактир? Глядишь, Бог пошлет нам еще по кружечке, а?

Артур Конан Дойл «Черное знамя»

Произошла это событие в те дни, когда морское могущество Франции было уже разрушено. Большая часть ее громадных трехпалубных кораблей вместо того, чтобы красоваться в Бресте, покоилась на дне океана. Но у Франции оставались еще фрегаты и корветы, и эти суда скользили по водам морей, преследуемые англичанами. Да, во всех концах земли эти красивые кораблики, воюющих сторон, названные именами девушек или цветов, увечили или топили друг друга в честь и славу маленьких кусочков материи, которые болтались на их главных мачтах. В описываемую ночь дул сильный ветер, но с рассветом погода стихла, и восходящее солнце озарило зеленые волны, которые постепенно успокаивались, сливаясь одна с другой, превращаясь в одну бесконечную, почти ровную зыбь. К северу и к югу был виден горизонт, представляющий совершенно ровную линию. На востоке виднелся скалистый остров. Острые вершины гор подымались к небу. Кое-где были рассеяны группы пальм, а над конической вершиной самой высокой горы висело густое облако тумана.

У берега виднелись высокие валы прибоя, а немного подальше красовался выкрашенный в черную краску английский тридцати-двух-орудийный фрегат «Леда», под командой капитана Джонсона. Подобно черному лебедю, красивый фрегат покачивался в изумрудных волнах, медленно подвигаясь к северу. На палубе фрегата стоял маленький человек с загорелым лицом. Он глядел через подзорную трубу на горизонт.

– Мистер Вартон! – закричал он скрипучим, как несмазанная дверь, голосом.

На этот призыв с кормы появился худой офицер. Ноги у него были согнуты, и шел он спотыкаясь.

– Что вам угодно, сэр?

– Я открыл запечатанный приказ, мистер Вартон.

Худое лицо старшего лейтенанта озарилось любопытством. Дело в том, что «Леда» и «Дидона», другой такой же фрегат, вышли неделю тому назад из Антигвы с приказом, им неизвестным, который заключался в запечатанном конверте.

Капитан произнес:

– Конверт мы должны: были распечатать у берегов необитаемого острова Сомбриеро, лежащего на восемнадцатом градусе северной широты и тридцать шестом западной долготы. Сомбриеро лежит в четырех милях отсюда. Мы миновали его во время бури, мистер Вартон.

Лейтенант сделал официальный поклон в знак согласия. Он и капитан были друзьями детства. Вместе ходили в школу, вместе поступили на службу во флот, вместе сражались и даже породнились между собой, женившись на родственницах. Но эти дружеские отношения забывались ими немедленно же, как только они вступали на борт корабля. Место дружбы заступала железная дисциплина, и вместо родственников являлись только начальник и подчиненный. Капитан Джонсон вынул из кармана лист почтовой бумаги, развернул его и прочитал:

«Предписываю двум фрегатам „Леде“ и „Дидоне“, состоящим под командою капитанов А. П. Джонсона и Джемса Мунро, идти немедленно в Караибское море и разыскать там французский фрегат „Слава“. Фрегат этот в последнее время затопил несколько наших купеческих судов. Фрегатам Его Королевского Величества предписывается также изловить или затопить пиратское судно, известное под именами „Буйной Сарры“ или „Лохматого Гудсона“. Эти пираты грабили неоднократно британские судна, предавая мучительной смерти их команды. „Буйная Сарра“ представляет собою небольшой бриг с десятью легкими орудиями и одной двадцати-четыре-фунтовой мортирой в передней части корабля. Последний раз „Буйную Сарру“ видели недалеко от острова Сомбриеро. Подписано: контр-адмирал Джемс Мангомери. Дано на корабле Его Королевского Величества „Колосс“. Антигуа».

Капитан Джонсон спрятал приказ в карман, взглянул в зрительную трубу на горизонт и произнес:

– А спутник-то наш пропал. «Дидона» ушла вперед как раз тогда, когда нас застигла буря. Неприятно, если мы встретимся с французами без «Дидоны». Не правда ли, мистер Вартон?

Лейтенант весело улыбнулся.

– Чего вы смеетесь? Французский корабль вооружен восемнадцатифунтовыми и двенадцатифунтовыми пушками. По водоизмещению он превосходит наш корабль почти вдвое, а капитан его – один из лучших людей во всем французском флоте. Кто не знает капитана Милона?

А затем, как бы устыдившись своей боязливости, он повернулся на пятках спиной к лейтенанту и воскликнул:

– А все-таки, черт возьми, я с удовольствием схвачусь с этим Милоном на abordаж!

И сурово глянув через плечо на лейтенанта, капитан скомандовал:

– Мистер Вартон, прикажите замедлить ход и направить фрегат к западу.

С мачты раздался голос сторожевого матроса:

– На горизонте виден бриг!

Маленький капитан направился к парпету и навел на горизонт подзорную трубу. Худой лейтенант приблизился к своему помощнику Смиттону и шепотом начал с ним совещаться. Из каюты высыпали офицеры и матросы и, прикрывая глаза от солнца руками, стали всматриваться в даль.

Бриг, замеченный матросом, стоял на якоре у устья извилистой бухты. Было совершенно очевидно, что это судно не может выйти в море, не попав под страшные пушки английского фрегата.

– Судна этого мы не упустим, мистер Вартон, – сказал капитан. – Весьма вероятно, что это и не пираты, мистер Смит, но, на всякий случай, пусть люди идут к орудиям. Прикажите также приготовить лодки.

Британские матросы в те времена были привычны к войне и исполняли свои обязанности даже в самые опасные минуты совершенно спокойно. Прошло немного времени, как все люди находились уже на своих местах, готовые к бою. Фрегат быстро мчался на свою маленькую жертву.

– Это «Буйная Сарра», сэр?

– Теперь в этом нет никакого сомнения, мистер Вартон.

– Им, по-видимому, не нравится наше приближение. Глядите, они обрезают якорь и хлопчут над парусами.

Было совершенно очевидно, что бриг собирался спасти свою жизнь. На мачтах взлетали один за другим паруса, команда работала на снастях, как безумная. Бриг, по-видимому, отказался от попытки проскользнуть мимо противника и решился удрать ближе к берегу.

– Видите, мистер Вартон, они стараются уйти в мелкую воду, и, стало быть, мы их запрем в бухте. Правда, это – маленький бриг, но я считал пиратов гораздо смелее и умнее. Они поступили бы разумнее, если бы попытались проскользнуть мимо нас и уйти в открытое море.

– А это, должно быть, по случаю бунта, сэр.

– Какого бунта?

– О, сэр! Я слышал об этом в Маниле. Скверное это дело, сэр. Команда убила капитана и двух офицеров. Мятежом руководил этот самый Гудсон. Они его называют Лохматым Гудсоном. Родом он из Лондона, и такого жестокого негодяя, как Гудсон, свет не видывал.

– Ну, так знайте, мистер Вартон, что этот Гудсон теперь скоро отправится на виселицу. По-видимому, на бриге много людей. Мне хотелось бы спасти из команды человек двадцать, но, пожалуй, не стоит. Эти мерзавцы способны развратить самого порядочного матроса. Лучше их всех отправить в море.

Оба офицера стояли и глядели на бриг в зрительные трубы. Вдруг лейтенант улыбнулся, а капитан покраснел, видимо, рассердившись.

– Вы видите, сэр, того человека, который стоит на палубе и показывает нам нос? Это и есть Лохматый Гудсон.

– Подлый, наглый негодяй! Вот я ему покажу, как со мною шутить! Мистер Смит, нельзя ли достать бриг восемнадцатифунтовым орудием?

– Надо пройти еще один кабельтов, сэр, тогда это можно будет сделать.

В то время, пока Смит отвечал, с брига раздался выстрел. Выстрел этот имел значение только демонстрации, ибо маленькие орудия брига не могли достать до фрегата. А затем маленькое судно стало под паруса и начало быстро улепетывать по извилистому каналу вглубь бухты.

– Вода быстро уменьшается, сэр, – сказал второй лейтенант.

– Но, ведь, здесь по карте должно быть шесть саженей глубины?

– Только четыре, сэр.

– Ну, ладно, как-нибудь пройдем. Ага, так и есть! Мистер Вартон, наводите орудия, теперь бриг в нашей власти.

Моря теперь уже не было видно, ибо фрегат вошел в узкий, напоминающий речку, канал, ведущий в бухту. Бухта же теперь была видна, и берег находился не далее мили. В самом углу бухты стоял, приблизившись насколько возможно к берегу, бриг. Он стоял, поворотившись боком к противнику, а на его бизань-мачте развевался кусок черной материи.

Худощавый лейтенант, успевший сходить тем временем к себе в каюту, вернулся снова на палубу. Он был вооружен. На левом боку у него болтался кортик, а у пояса торчали два пистолета. Лейтенант с любопытством взглянул на развевающийся кусок черной материи и произнес:

– Какая дерзость, сэр! Они вывесили пиратский флаг.

Капитан был в бешенстве.

– Пусть они повесят хоть свои панталоны, – закричал он, – я все равно расправлюсь с ними! Сколько вам понадобится лодок, мистер Вартон?

– Я думаю, что двух больших будет, достаточно.

– Берите четыре, но сделайте дело, как следует. Режьте их всех до последнего, а я тем временем обработаю бриг как следует восемнадцатифунтовыми орудиями.

Раздалось шуршанье канатов, скрип блоков, и четыре лодки шлепнулись в воду.

В лодках кишмя кипела команда – босоногие матросы, здоровые судовые солдаты, смеющиеся мичманы. Во главе, их виднелись старшие офицеры, напоминавшие своими строгими лицами школьных учителей. Капитан, опершись на парапет локтями, глядел на бриг. Команда его готовилась к защите. На палубу тащили пушки, убирали паруса, пробивали новые отверстия для пушек, вообще говоря, пираты готовились к отчаянному сопротивлению. Командовал ими суетившийся по палубе великан в красном колпаке. Лицо его все заросло волосами, виднелись только одни глаза. Капитан следил за ним, кисло улыбаясь, и затем, вдруг, повернулся назад и снова взглянул в зрительную трубу. С минуту он глядел вдаль, а затем вдруг закричал своим тонким, высоким голосом:

– Лодки назад! Мистер Смиттон, готовьте кормовые орудия! Подбери снасти! Готовься к бою!

Из-за дамбы канала прямо на «Леду» шел корабль-великан. На фоне зеленых пальм, растущих на берегу, отчетливо обрисовывалась его выкрашенная в желтый цвет носовая часть, на которой была изображена белая голова с крыльями. На палубе возвышались три громадные мачты, и на одной из них гордо развевался французский флаг. Корабль быстро шел вперед; темно-голубая вода пенилась около него. Палуба вся была усеяна людьми, снасти были подо-

браны, отверстия для орудий приподняты, и из них выглядывали дула орудий, готовые заговорить каждую минуту.

Французские лазутчики, скрывавшиеся на острове, видели, что английский фрегат вошел в тупик, из которого нет выхода, и дали об этом знать капитану «Славы». И вот капитан Милон решил поступить с «Ледой» точно так, же, как капитан Джонсон собирался поступить, с «Буйной Саррой».

Но великолепная дисциплина британских моряков сказалась во всем блеске в этот критический момент. Лодки быстро вернулись назад, и через несколько минут фрегат был уже приведен в боевую готовность. Артиллеристы стояли у орудий, а солдаты выглядывали за парাপет, рассматривая величественный французский корабль.

«Леда» описала полукруг и двинулась назад. Французы сделали то же. Ветер был очень слаб, на голубой поверхности воды виднелась едва заметная рябь. Противники шли теперь к открытому морю. Цель французов была дойти до устья канала, запереть собою выход из него и расстрелять беззащитную «Леду». Корабли отделяло расстояние всего в сто ярдов, и англичане ясно слышали движение на палубе французского корабля.

– Скверное положение, мистер Вартон, – сказал капитан.

– Ничего, сэр, бывает и похуже. Мы должны держаться на том же расстоянии и рассчитывать на наши пушки. Людей у них очень много, но если им удастся нас атаковать сбоку, мы очутимся в очень неприятном положении.

– Я вижу солдатские мундиры у них на палубе.

– Да. Это – две пехотные роты из Мартиники.

– Ну, теперь, кажется, мы их изловили! Прибавьте парусов и, когда мы будем проходить мимо носовой части, стреляйте из всех орудий.

Действительно, в эту минуту подул небольшой ветерок, и сообразительный капитан решил этим воспользоваться. Подняв паруса, он бросился наперерез большому французу и атаковал его из всех орудий. Но ветер упал, и «Леда» должна была возвратиться назад. Маневрируя, она попала как раз под боевой огонь французского корабля.

Залп грянул, и маленький, красивый фрегат весь задрожал под этими выстрелами. Можно было подумать, что фрегат погибнет. Но нет: матросы засуетились, подняли запасные паруса, и фрегат снова атаковал французов. Но Милон не дал перерезать себе путь и сделал соответствующий маневр. Теперь оба корабля шли рядом, на расстоянии пистолетного выстрела, стреляя друг друга из всех боковых орудий. Это была одна из их убийственных дуэлей, одно воспоминание о которой заливают летопись британского флота потоками крови.

Стояла тихая, безветренная погода, и поэтому оба корабля сразу же окутались густым, черным дымом. Виднелись только верхушки мачт. Противники уже не могли видеть друг друга. Они были погружены во тьму, которая освещалась заревом огня. Даже пушки заряжали в той же туманной атмосфере. На корме и передней башенке стояли морские солдаты в своих красных мундирах. Они аккуратно заряжали винтовки и стреляли по направлению неприятеля, но и они, подобно артиллеристам, не видели того, в кого стреляли. Да и в самом деле, можно ли видеть ущерб у неприятеля, когда не видишь ущерба, который сам терпишь?

Действительно, тьма была так непроницаема, что артиллерист, стоя у орудия, не мог видеть, что делается около соседней пушки. Рев орудий перемешивался с резким треском ружейных выстрелов. Слышался гром разрушающихся деревянных частей, на палубу с грохотом падали части мачт. Офицеры ходили взад и вперед, ободряя артиллеристов. Капитан Джонсон старался разглядеть, что делается на неприятельском корабле, и, сняв свою трехугольную шляпу, развевал перед собою дым. Увидав Вартона, проходившего мимо, он весело воскликнул:

– Веселое дельце, Боб!

А затем, вспомнив о дисциплине, более сдержанным тоном добавил:

- Каковы наши потери, мистер Вартон?
- Сломана главная рея и гаффель!
- А где наш флаг?
- Сорван выстрелом и упал в море.
- Французы подумают, что мы сдаемся. Возьмите флаг с командирской лодки и поднимите его на бизань-мачту.
- Слушаюсь, сэр.

Как раз между капитаном и лейтенантом упал снаряд и разрушил ящик, на котором был утвержден компас. Дым на несколько мгновений рассеялся, и капитан мог убедиться, что тяжелые орудия французов причиняют фрегату страшный ущерб. Палуба «Леды» была усеяна трупами. Отверстия для орудий были разрушены. Одна восемнадцатифунтовая пушка была опрокинута.

Солдаты на корабле и башне продолжали стрелять, но половина орудий уже была приведена к молчанию. Около этих умолкших орудий лежали груды мертвых тел.

- Готовьтесь отражать абордаж! – крикнул капитан.
- Вынимай кортики, ребята! – скомандовал Вартон.

Командующий солдатами капитан приказал:

- Прекратить стрельбу! Дать залп, когда враг станет всходить на палубу.

Из мглы стал вырисовываться громадный корпус французского корабля. Он быстро приближался к побежденной «Леде», у борта звякали громадные абордажные крючья. Приблизившись почти вплотную, «Слава» дала последний залп из всех орудий. Этим залпом была сбита главная мачта «Леды». Завертевшись в воздухе, мачта грохнулась на палубу, прямо на пушки, причем убила десять человек и привела в негодность целую батарею.

Еще мгновение, и корпус французского корабля ударится о корпус «Леды». Несколько гигантских крючьев вцепились, в палубу английского фрегата. Несметные колонны французов, заполнившие палубу, дико кричали, готовясь ринуться на врагов.

Но этим французам не было суждено взойти на залитую кровью палубу английского фрегата. Откуда-то совсем близко загремел хорошо направленный орудийный залп, затем другой, третий...

Английские моряки, стоявшие молчаливо около орудий с обнаженными кортиками и ожидавшие натиска врагов, с удивлением наблюдали, как черные массы французов стали быстро таять.

Еще момент, и расположенные на противоположном борту французского корабля пушки грянули ответным залпом.

- В какого черта они стреляют? – крикнул капитан. – Очищайте палубу!
- Готовь орудия! – скомандовал лейтенант. – Ну, ребята, теперь они в наших руках.

Обломки были убраны, и уцелевшие пушки заговорили снова. Французский якорь был перебит, и «Леде» удалось освободиться от роковых объятий врага. На палубе французского корабля началась паника. Люди падали массами и вдруг «Слава» стала быстро удаляться.

- Они бегут! Они бегут! – закричали англичане.

И действительно, французский корабль прекратил стрельбу и усердно работал уцелевшими парусами. Кто же победил французов? «Леда»?

Нет.

Пороховой дым рассеялся, и причины, поведшие к такому странному и неожиданному окончанию боя, разъяснились. «Леда» находилась у самого устья канала, ведущего в бухту. Сюда приблизились незаметно оба корабля во время сражения.

В море, в милях четырех, был виден другой отставший фрегат «Дидона», который стремительно, под всеми парусами, преследовал улупетывавшего на север француза. Орудия «Дидоны» гремели. Оба корабля скоро исчезли из вида.

Но сама «Леда» оказалась в печальном состоянии. Главная мачта была сбита, не было также бизань-мачты и гаффеля. Паруса напоминали лохмотья нищего. Сто человек команды были убиты.

А рядом с кораблем в воде плавали обломки, какого-то судна. Вот из волн высунулась носовая часть. Она была выкрашена в черный цвет и на ней виднелись белые буквы: «Буйная Сарра».

– Боже мой! – воскликнул Вартон. – Это пиратский бриг спас нас! Гудсон подкрался к французам и открыл по ним канонаду. Залп французских орудий уничтожил бриг!

Маленький капитан повернул направо кругом и молча зашагал назад и вперед по палубе. Матросы усердно работали, чиня повреждения.

Капитан снова приблизился к лейтенанту, и последний заметил, что суровое лицо его начальника имело теперь, жалкое, растроганное выражение.

– Они все погибли, по-видимому?

– Все. Команда пошла ко дну вместе с бригам.

И оба офицера вперили глаза в обломки, на которых красовались зловещие белые буквы. Между изломанным гаффелем и кучей перепутанных снастей виднелось что-то черное. Это был пиратский бриг, а рядом с ним плавал красный колпак погибшего атамана.

Капитан долго глядел на этот колпак и, наконец, воскликнул:

– Он был негодяй, но в нем был жив британец! Жил, как собака, а умер, как человек. Да, клянусь Богом, он умер, поистине, как человек.

Часть вторая. Восток

Эмилио Сальгари «Город прокаженного короля»

Глава I

Это было в дни императора Пра-Барда первого, который вел дружбу с европейцами, оставаясь в то же время типичным восточным владыкою и человеком, полным диких предрассудков и суеверий. Быть может, даже в дни древности, когда в Сиаме зародился культ поклонения белому слону священных дебрей Сиамы, в тело которого воплощается дух бога Ганеши, сотворенного прекрасною Парвати, божественною супругою неукротимого Шивы, никогда еще в Сиаме не прилагалось столько забот для исполнения всех религиозных требований, для совершения всех церемоний, как в дни императора Пра-Барда. В особых колоссальных палатах-храмах в этот период было собрано небывалое количество белых слонов, поиски и доставление которых в столицу государства стоили безумных денег.

И вот нечто странное стало приключаться с этими священными животными. Однажды жалобный и тревожный гул гонга в главном храме поднял на ноги все население страны. И люди испуганно переговаривались:

– Один из священных слонов покончил свои дни. Несчастье... Горе, горе Сиаму!

Прошло всего несколько дней, и опять над Бангкоком гудел тот же гонг, и опять смятение царствовало среди обитателей города, и опять испуганно твердили люди:

– Слышите? Опять гонг... Опять пресеклись дни одного из священных белых слонов!

– Что это? Или над нашею страной тяготеет проклятие? Горе, горе Сиаму!

Прошла неделя, и опять погиб один из слонов.

Трудно описать, что творилось в этот день с Сиамом! Смущение, тревога, печаль – потоком разлились по всей стране. Словно призраки реяли и над императорским дворцом и над хижиною бедняка, – и везде и всюду слышался один и тот же вопрос:

– Что же будет теперь с Сиамом?

Боги прогневались на Сиам. Их проклятие грозит стране. Смерть священных слонов – это только предвестие грядущих бед... Что-то будет, что будет?

И, понятно, у всех на устах был еще другой вопрос:

– Но кто же повинен? На кого именно разгневались всемогущие боги? Кто отвечает за смерть белых слонов?

Одно имя знал весь народ: Лакон-Тай. Генералиссимус сиамских войск. Великий воин, имя которого золотом вписано в историю Сиамы. Лакон-Тай был потомком одной из древнейших фамилий Сиамы. Всю жизнь он служил родному краю. Когда какой-нибудь враг вторгался в пределы Сиамы, Лакон-Тай встречал его нападение. В дни мира Лакон-Тай являлся одним из влиятельнейших советников вот уж третьего императора Сиамы, Пра-Барда, и народ назвал его благоговейно «великим заступником бедняков», потому что Лакон-Тай отличался неподкупностью, суровою честностью и в то же время гуманностью.

Но за Лакон-Таем было одно прегрешение: вопреки традициям знатных сиамцев и самого императора он в молодости не обзавелся гаремом, а женился на женщине из Европы. И говорили, что под влиянием своей жены он тайне, перешел в христианство.

Очень может быть, что рука какого-нибудь неумолимого врага отняла у благородного Лакон-Тая радость его жизни: безумно любимая им женщина скончалась во время его отсутствия с загадочными симптомами отравления. Лакон-Тай был безутешен, и если бы почившая не оставила ему вместо себя ребенка, малютку-дочь, Лакон-Тай покончил бы самоубийством. Но он столь же страстно любил ребенка, как умершую жену, и всего себя посвятил воспитанию малютки.

Ее звали Лэна-Пра, и когда она стала подрастать, весь Бангкок говорил о ее красоте.

В самом деле, сиамским красавицам было чему позавидовать!

Лэна-Пра, или, как мы для краткости будем называть девушку, Лэна, была высокою, стройною красавицею с великолепными очами и тонкими, словно из бронзы изваянными чертами прекрасного лица. Только чуть бронзовый налет на ее атласной коже указывал, что в ее жилах, кроме крови ее матери, течет кровь детей Востока.

Лакон-Тай был очень богат: в его руках скопились колоссальные богатства его предков, да, кроме того, по обычаю, ему доставалась известная доля военной добычи. А так как все походы, в которых участвовал он, заканчивались блестящею победою над врагами, то на долю Лакон-Тая достались огромные суммы. Но сам он лично смотрел довольно равнодушно на груды золота и драгоценных камней: дороже всего на свете для него была его дочь, так живо напоминавшая ему его почившую супругу...

И вот, когда один за другим стали погибать священные белые слоны, глубокая печаль воцарилась в доме Лакон-Тая.

– Кто-нибудь, какой-нибудь свирепый и беспощадный враг губит слонов, чтобы этим погубить меня! – твердил про себя старый воин. – Покуда еще остается четверо слонов, император не выражает особого гнева, но если...

И опять загудел печально священный гонг в храме Ганеши, возвещая гибель священного животного. Тщетны были все меры, принятые Лакон-Таем для спасения еще уцелевших трех белых слонов: их окуривали, их растирали различными мазями, их переводили из одного помещения в другое. Целый отряд прислужников стерег их. Ни один стебель травы или пучок листьев, ни одно ведро воды не могло быть пронесено в стойла священных слонов, не подвергшись обследованию. На обязанности магутов, то есть погонщиков слонов, лежало отведывать их пищу на тот случай, что кто-нибудь подмешает к ней отраву, и, тем не менее, двух слонов постигла та же участь, что четырех предшествующих: они пали в одну ночь. В живых оставался лишь один белый слон – и это был последний.

И вот несколько дней спустя в храме, где содержался этот последний слон, поднялась суета: у него проявились уже знакомые признаки близкой агонии. Он умирал...

– Горе, горе Сиаму! Гибель грозит нашей стране! Гнев богов обрушился на нас! – неслись испуганные возгласы.

В полдень того же дня Лакон-Тай, великий и всегда победоносный вождь, стоял на коленях, словно преступник, перед троном императора со склоненною головою и смертельно бледным лицом.

Зал был полон: у трона стояла стража, у стен – толпы царедворцев, за колоннами – все тальпоины, или жрецы храмов Ганеши. Но казалось, это не люди, а призраки, безгласные тени: никто не смел пошевелинуться, никто не смел промолвить слово. Был слышен только гневный голос Пра-Барда, глядевшего в упор на Лакон-Тая:

– Собака! Я доверил тебе величайшее сокровище моей страны – семерых священных слонов. Где они? Что сделал ты с ними?

– Боги судили...

– Замолчи, раб! – загремел яростно Пра-Бард. – Ты хочешь свернуть на богов свою собственную вину. Покуда слонов оберегали другие, более тебя верные и честные люди, никто не

мог жаловаться на гнев богов. Если умирал «живой Ганеша», то только от дряхлости. Семь слонов погибло в семь недель! И среди них были совсем молодые!

– Я верно служил тебе, государь, на полях битв, защищал своею грудью нашу отчизну от сильных врагов! – промолвил тоном горького упрека впавший в опалу воин.

Взор императора Сиама как будто смягчился. Казалось, он несколько успокоился, вспомнив действительно оказанные стране великим вождем заслуги.

– Да, ты служил мне и стране! – произнес император как бы в раздумье. – Но это было и прошло... Весь народ, все мои приближенные теперь винят тебя. Ты не сберег моих слонов! И ты же сам знаешь, что уже несколько экспедиций, отправленных мною на поиски новых священных животных, остались безрезультатными. Боги отвернулись от Сиама. Боги послали гибель семерым, быть может, последним в мире белым слонам! Теперь остается только один белый слон у царя Бирмы, но и это священное животное уже дряхло, и его дни сочтены... Кто же добудет для Сиама нового белого слона, в тело которого воплотилась душа Соммон-Кодома? Кто?

– Если бы ценою жизни своей я мог заплатить за доставление тебе, о государь, белого слона, я не задумался бы ни на минуту пожертвовать жизнью!

– Не торопись! Твоя жизнь не принадлежит уже тебе. У тебя есть уже другие заботы: ты – под судом! Великий совет решит завтра твою участь! – жестоко ответил Пра-Бард.

– Я не прошу милости и пощады себе, о повелитель! Но у меня есть дитя...

– Твоя дочь? Но ты разве не знаешь закона? Кто изменил долгу своему и причинил ущерб владыке своему, да будет тот предан позорной смерти. Если есть жены у него – да будут выведены на рынок они и проданы, а вырученные за них суммы должны поступить в кассу владыки, чтобы смягчить гнев его. Если есть у преступника сыновья и знали они умысел отца своего – смерть им, а если малолетни они – рабство им. И если есть дочери у преступника – да не будут проданы они на рынке, но обращены в рабство позорное и отданы на потеху черни и нечистых иностранцев...

Словно раненый зверь вскочил Лакон-Тай, но снова упал, простирая руки к изрекшему жестокий приговор владыке:

– Пощады, повелитель! Ни в чем не повинна пред тобою моя дочь, моя Лэна! Пощады!

Но император встал с трона и, не глядя на молившего о пощаде старика, прошел уже во внутренние покои и захлопнул двери.

Минуту спустя приемный зал гудел, словно рой потревоженных пчел, тысячами голосов: толпа царедворцев, слуг, жрецов, волнуясь, сновала по покою, но опасливо обходила все еще стоявшего на коленях перед троном старика, словно опасаясь прикосновением к его одеждам заразиться и навлечь на себя гнев владыки.

– Ступай в дом твой, – послышался властный голос начальника дворцовой стражи.

Лакон-Тай поднялся.

– Иди, в доме твоём будешь ты ожидать исполнения решения судьбы твоей. Так сказал властелин! – продолжал тот же начальник дворцовой стражи.

Лакон-Тай побрел к выходу. Но с каждым шагом его поступь делалась увереннее и тверже. Еще минута – он шел уже с высоко поднятою головою и с презрительно-гордым взглядом. И люди, попадавшие ему навстречу, те самые, которые еще так недавно пресмыкались перед почти всесильным «великим вождем», а теперь отшатнулись от впавшего в опалу несчастливца, не выдерживали его взоров и отворачивались пристыженно, давая ему дорогу.

– Да сбудется то, что суждено небожителями! – бормотал про себя Лакон-Тай. – Но ни дворцовые лизоблюды, ни чернь не увидят моей казни... Я – воин, и я никогда не боялся смерти. Так пусть же она придет на мой зов и избавит меня от позора! Трусы и рабы ждут моей казни, чтобы из зрелища устроить для себя потеху. Этого они не дождутся...

Вернувшись в свой дворец, опальный вождь долго бродил в задумчивости по покоям дома и террасам богатого сада. С наступлением вечера, когда пробил час трапезы, Лакон-Тай позвал к себе дочь, красавицу Лэна-Пра.

– Мое дитя! – сказал он. – На днях тебе исполнилось пятнадцать лет. Перед тобою – вся жизнь, и пусть будут милостивы к тебе всеильные боги, пусть твой жизненный путь будет усыпан лепестками роз... Я же стар, и... кто знает, что ждет меня? В мои годы нельзя быть уверенным за завтрашний день... Помни: если я умру, а ты останешься одинокою и, кто знает, может быть, к тебе подкрадется нужда, – я схоронил в центральном пруду нашего сада фамильные драгоценности, хранящиеся в нашей семье веками, и значительную часть моей военной добычи. Когда понадобится, ты легко добудешь эти сокровища со дна пруда. Никто не подозревает, что золото и драгоценные камни лежат там.

– Зачем ты, отец, говоришь так? – с ласковым упреком отозвалась девушка. – Ты бодр и здоров. Ты – любимец нашего властелина. Народ обожает тебя. Вся армия боготворит... А ты словно собираешься покинуть этот мир?

подавив невольный вздох, Лакон-Тай сказал дочери:

– Глупец живет сегодняшним днем. Мудрый думает и о том, что будет завтра... Не волнуйся же, дитя, и помни, что я доверил тебе большую и важную тайну. Пусть же не знает о сокровище нашей семьи никто в мире, кроме тебя и... И того, кому ты когда-нибудь отдашь свое сердце как своему мужу... Клянешься ли?

– Клянусь! – глухим и печальным голосом ответила девушка.

В ту же ночь во дворце Лакон-Тая, победителя бирманцев и камбоджийцев, любимого всем народом вельможи, поднялась суматоха: молодой паж Фэнг не мог заснуть, поминутно прислушивался к тому, что происходило в соседней комнате, в спальне вождя. Заглянув в щелку, он увидел, что старик почему-то рассматривает свой великолепный боевой меч. Это очень удивило верного слугу.

«Неужели мой господин вновь собирается в поход?» – подумал он.

Около полуночи Фэнга словно что-то толкнуло.

– Господин! Ты спишь? – промолвил он тревожно.

Старик не отвечал.

Тогда паж вошел в спальню и при свете лампы открыл ужасную истину: Лакон-Тай лежал бездыханный. Тут же, возле его ложа, на полу валялся изящной работы золотой флакон.

Подняв и понюхав горлышко флакона, Фэнг воскликнул:

– Мой господин отравился!

И бросился в комнату давно уже уснувшей Лэна-Пра.

– Госпожа! Несчастье! Пробудись, госпожа! – кричал он.

В мгновение ока весь дом был на ногах. Но единственным не потерявшим голову человеком оказалась Лэна-Пра:

– Послать гонца за... Нет, не нужно знахарей! Я знаю, в соседнем доме живет третью неделю европейский врач, к которому днем приходят сотни бедняков-больных. Позовите европейца.

Никому не пришло в голову послушаться этого приказания, и через пять минут европейский врач вошел в спальню отравившегося старого вождя. А когда лучи солнца позолотили остроконечные верхушки причудливых крыш храмов Бангкока, на веранде дворца Лакон-Тая можно было видеть трех человек: еще очень слабый, но словно чудом вырванный из когтей смерти Лакон-Тай, держа руку не отходившей ни на мгновение от него дочери, слабым, но прочувствованным голосом благодарил спасшего его европейца.

– Ты вернул меня к жизни, друг, – говорил старик, – и я дал тебе слово, что не возобновлю попытки самоубийства. Но едва ли на радость остался я жить... Я поведал тебе все. Едва ли

что-либо спасет меня от гибели. В лучшем смысле, если император смилостивится, он на долгие годы сошлет меня в какую-нибудь глухую провинцию.

– Так что же? – отозвался врач. – Будто бы люди живут только в столице Сиама? Я дорого дал бы, чтобы иметь возможность проникнуть вглубь неведомого миру края, и если ты пожелаешь, я охотно последую за тобой в изгнание.

При этих словах глаза молча слушавшей разговор девушки загорелись. Она посмотрела благодарным взором на врача, потом потупилась. И, словно почувствовав ее взгляд на своем лице, молодой европеец, в свою очередь, впился взглядом в лицо Лэна-Пра.

Ночью, когда ему приходилось возиться с долго не приходившим в себя старым вождем, Роберто Галэно, так звали европейского врача, не имел времени разглядеть девушку, ловко и толково помогавшую ему. Теперь он видел ее прекрасное лицо при ясном свете дня, на это лицо ложились золотые лучи солнца юга, и Роберто Галэно едва сдержал возглас восхищения.

Эта сцена была прервана появлением слуги, который доложил старому вождю о приходе гонца из дворца.

– Введите гонца! – распорядился Лакон-Тай.

– Послание нашего великого повелителя, царя над царями, божественного, непобедимого! – возгласил гонец, державший над головою обернутый в желтый шелк ящичек.

Дрожащими руками взял этот ящичек Лакон-Тай: он не знал, что в нем заключалось... Как часто в таком ящичке гонец повелителя приносил кому-нибудь кинжал, флакон с ядом или шелковый шнурок! Тот, кто получал такое послание, должен был через три часа, не позже, покончить с собою, и именно способом, указанным самим императором: вспороть себе живот по образцу японского «харакири», отравиться в присутствии того же гонца или удавиться...

Но как ни взволнован был старый боец, кроме легкой бледности, проступившей на его щеках, ничто не выдавало его чувств.

– Слава богам! – вздохом облегчения вырвалось восклицание из его груди. – Тут, в самом деле, послание моего повелителя ко мне, а не...

Он не dokonчил фразы и, сорвав восковые печати с лежавшего внутри шкатулки письма, вслух прочел его содержание.

«Пра-Бард Сомдеца, Непобедимый, повелитель Сиама, своему военачальнику Лакон-Таю. Внимай!

Велики твои прегрешения и велик гнев мой на тебя, Лакон-Тай, но чужд сердцу моему грех неблагодарности, и не ступит моя нога на стезю несправедливости во веки веков. Внимай!

По твоей вине погибли доверенные тебе священные белые слоны, и осиротел край наш, лишившись покровительства богов. И потому заслуживаешь ты великой казни, а дочь твоя – позорного рабства. Но помнит сердце мое, что ты спас от вражеского копья почившего отца моего и сберег мне трон, когда был я малолетним, и потому мольба твоя о пощаде нашла тропинку, ведущую к слуху моему. Внимай!

Велика скорбь страны всей, моя и народа моего, но светится огонь надежды, ибо одному из мудрых земли нашей приснился вещий сон. Внимай!

Явилась ему во сне махар, великая священная змея с рубиновыми глазами и алмазными зубами, и изрекла, что тогда будет отыскан „живой Ганеша“, когда будет в руках моих ку великого последнего короля-кудесника народа Нгам.

И явилась потом вещая орлица харуд, та, которая похищает людей и относит их в ад, – орлица со стальными перьями, стальным клювом и медными когтями. И изрекла она, что ку, священный скипетр Короля Прокаженных, находится в Городе Прокаженных, на берегах таинственного озера Тули-Сап, в дебрях Верхнего Сиама, куда в течение столетий уже не заглядывал ни единый сын земли.

Внимай же повелению моему!

Ты отыщешь скипетр Короля Прокаженных и доставишь его мне. И тогда я верну тебе милость мою, и народ воздаст тебе все почести, и когда придет смертный час твой, я, Пра-Бард Сомдеца, царь царей, великий, я прикажу сжечь тело твое на костре из красного дерева и сандала, как приличествует князю дома моего. Я кончил».

Прочитав императорское послание, Лакон-Тай огляделся вокруг, словно только что очнувшись от тяжелого сна.

– Священное озеро Тули-Сап! – произнес он глухим, взволнованным голосом. – Это там, куда, говорят, не может теперь проникнуть человек, потому что реки кишат крокодилами, а леса – гигантскими человекообразными обезьянами. Развалины Города Прокаженных... Говорят, тот, кто переступит порог ворот этого города, погиб безвозвратно, потому что в этих развалинах ютятся мириады ядовитых змей. Говорят, там живут злые призраки, кровожадные тени каких-то чудовищ. Они, эти призраки, сторожат храм, где стоит монумент Короля Прокаженных...

Ну, что же? Или так, или этак...

Гонец императора, молча присутствовавший при прочтении послания, подал признаки жизни, сказав Лакон-Таю:

– Итак, что должен сказать я повелителю?

– Скажи, – ответил старик, – скажи, что верный слуга его сегодня вечером отправляется в далекий путь и не вернется, если не отыщет скипетра последнего короля народа Прокаженных! Иди!

И гонец исчез.

В тот же вечер маленький караван из вернейших, испытанных слуг Лакон-Тая, вооруженных с ног до головы, шел по направлению к Верхнему Сиаму, поднимаясь вверх по течению реки Мэ-Нам.

В огромной, довольно тяжелой барке, медленно подвигавшейся под дружными ударами массивных двуручных весел, с которыми управлялись опытные гребцы из старых соратников Лакон-Тая, находились сам старый вождь, его красавица дочь Лэна-Пра и молодой европейский врач.

Старик дремал в небольшой каюте. Лэна-Пра и Роберто сидели на носу барки и оживленно разговаривали.

– Я не помню даже лица моей покойной матери, – говорила задумчиво девушка, – но мне грезятся далекие страны Запада, тех краев, где родилась давшая мне жизнь... И меня тянет туда.

– За чем же дело стало? – отозвался Роберто. – Вот лишь бы только удалось нам отыскать этот таинственный Город Прокаженных и мистический скипетр. Тогда Лакон-Тай снова обретет милость повелителя. А тогда это будет уже вашим делом, Лэна, уговорить его отпроситься поехать в Европу. Предлог можно отыскать всегда, а важно лишь выбраться из пределов досягаемости... И ваш отец, и вы найдете в Европе новую родину или, во всяком случае, отыщете убежище, где вам не будут грозить никакие беды.

Девушка вздрогнула.

– Но удастся ли нам еще вернуться живыми из этого путешествия? – слабым, чуть слышимым голосом ответила она. – Что ждет нас в дебрях и трющобах?

– Будем надеяться на лучшее! – ответил Роберто.

А барка плыла и плыла, удаляясь от Бангкока.

И вдруг позади плывущих все небо озарилось багровым заревом. Там словно вспыхнул колоссальный пожар, сразу охвативший огромную площадь.

– Что это? Бангкок горит! – воскликнул тревожно итальянец, машинально схватывая руку девушки.

– Нет! – тихо засмеялась та. – Разве вы забыли, что сегодня вечером совершается церемония сожжения священного слона?

Странные нотки зазвучали в голосе девушки. Что-то насмешливое, дерзкое...

Роберто обернулся к ней и заглянул в ее лучистые глаза.

– Слушайте, Лэна! – сказал он. – Мне кажется... Мне кажется, вы не очень-то верите в то, что белый слон – священное животное?

Девушка пожала плечами.

– Моя мать была христианкой! – чуть слышно прошептала она. – И я... я ношу на груди... один амулет.

Что-то блеснуло в полумгле. Роберто Галэно наклонился, и его взор упал на маленький золотой крестик, лежавший в руке дочери старого вождя сиамцев...

Глава II

Первые дни путешествия в бэлоне – так зовут сиамцы плавающие по величественному Мэ-Наму большие многovesельные барки с каютами – прошли как сон, полный красивых грез.

Роберто Галэно, итальянец родом, скиталец и врач по призванию, уже успел-таки побродить по миру и наглядеться на его диковинки, хотя он оставил Европу только семь или восемь лет назад. Он видел берега Нила и плыл по водам Ганга, священной реки Индии, но то, что представлялось его взорам тут, на лоне таинственного и совершенно неисследованного в те дни Мэ-Нама, буквально очаровывало его.

Вблизи от Бангкока река разливалась на необозримое пространство, образуя колоссальную дельту, но несколько выше она текла могучим глубоким потоком, берега которого были покрыты чуть ли не первобытными лесами. Лесные гиганты, растущие на вечно влажной почве, достигают в Сиаме поистине сказочных размеров, и растительность отличается пестротой и разнообразием. Растительному миру, его фантастическому богатству вполне соответствует и мир животных, населяющих лесные поросли на берегах Мэ-Нама.

Едва взойдет солнце, в воздухе яркими разноцветными искорками мелькают бесчисленные насекомые. Огромные пестро окрашенные бабочки пролетают над лениво катящим свои воды потоком, словно несомые ветром лепестки причудливых, сказочных цветов.

Крикливые попугаи шумными стайками перелетают с одного берега на другой. Кажется, они торопливо рассказывают друг другу все лесные новости...

Миг, и в листве мелькают темно-коричневые тельца, слышатся крики, какое-то стрекотанье, словно на банане приютилась целая колония белок. Но это не белки – это целое племя маленьких длиннохвостых обезьянок. Они издали увидели плывущее судно и избрали банан в качестве наиболее удобного места для наблюдения, а теперь, когда бэлон вошел в тень банана, они трусили и торопятся удрать в глубь леса, неистово крича, кувыркаясь с ловкостью первоклассных акробатов и награждая друг друга пощечинами и пинками...

Наблюдая пестрый и разнообразный мир, Роберто Галэно имел возможность удовлетворять вполне свое любопытство: Лакон-Тай, исходивший страну вдоль и поперек, обладал неисчислимым запасом рассказов о нравах людей и животных, об особенностях растений. Он знал бесконечное множество местных легенд, зародившихся в дни глубокой древности и сплошь и рядом заключающих в себе отголоски давно минувших исторических событий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.